

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР
Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

Д-р Е. Х. Занкевич

**К истории советизации
Российской Академии наук**

М Ю Н Х Е Н

1 9 5 7

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР
Institute for the Study of the USSR * Institut zur Erforschung der UdSSR
Institut d'études sur l'URSS

Исследования и материалы
Серия II (ротаторные издания)

№ 59

Д-р Е.Х. З А Н К Е В И Ч

К ИСТОРИИ СОВЕТИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М Ю Н Х Е Н

1 9 5 7

Исследования и материалы Института редактируются Издательской Коллегией Ученого Совета Института.

Работы, издаваемые Институтом за подписями их авторов, являются свободным выражением взглядов и выводов авторов. Издательская Коллегия оставляет за собой право иметь собственное суждение по издаваемым статьям и материалам.

Перепечатка статей и материалов разрешается при условии указания источника.

Издательская Коллегия

1. Императорская Академия наук

Тема, которой посвящена настоящая работа, настолько широка и сложна, что нам придется коснуться лишь ее некоторых сторон. Во всяком случае изучение вопроса о советской реорганизации Российской Академии наук оказалось бы беспочвенным, если бы мы игнорировали ее почти 200-летнюю дореволюционную историю. Поэтому дальнейшему изложению необходимо предпослать краткий очерк истории старой Академии. В противном случае останется неясным, в чем состоят главные черты различия и сходства между Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге, как Академия именовалась до 1917 г., и современной Академией наук СССР и в чем можно усматривать перспективы дальнейшего развития этого крупнейшего в наше время ученого учреждения мира.

Путеводной нитью нашего изложения будет служить принцип свободного научного исследования, его наличие и условия или его отсутствие в различные периоды истории Академии наук; на этот принцип в жизни Академии и обращено в последующем основное внимание. С этим критерием, как предпосылкой подлинной плодотворности всякого научного исследования, неразрывно связано начало автономии высшей ученой корпорации, в особенности право ее свободно пополнять свои ряды, если и не в смысле официального и формального утверждения новых кандидатов в члены Академии — что обычно и невозможно, если Академия входит в систему высших государственных учреждений страны, — то во всяком случае в смысле непосредственного и никакой иной инстанцией не контролируемого избрания этих кандидатов. Далее в исторической морфологии Академии наук, как высшего ученого учреждения, решающим является связанный с вопросом о свободе научного творчества признак обязательности или необязательности для членов Академии представлять и пропагандировать в науке определенное философское и политическое мировоззрение какой-либо партии или правительства страны и невозможность или, наоборот, неизбежность для них быть подвергаемыми всем существующим видам наказаний за уклонение от защиты этого мировоззрения. С другой стороны,

всегда необходимо иметь в виду общую направленность академического исследования - служит ли Академия целям чистого знания или она всецело или в преобладающей степени посвящает свои труды практическим задачам, выдвигаемым перед нею государственной властью. С этим моментом исторически связан вопрос о присоединении к обязанностям Академии в целом или выделяемых для этой цели академиков еще и педагогических функций, о сочетании типа высшего ученого учреждения с типом высшего учебного заведения. Наконец, количественная характеристика работы Академии наук, ее состава, ее структуры, развития ее специальных и вспомогательных учреждений и институтов, также относится к определению исторической физиономии Академии наук как в любом государстве мира, так в особенности в России и Советском Союзе. Сравнивая Императорскую Академию наук и Академию наук СССР с этих, как и некоторых других, более специализированных точек зрения, мы можем прийти к весьма важным и поучительным - как в научно-историческом, так и в политико-практическом отношении - выводам. Эти выводы и будут сделаны нами в конце данного очерка в результате нижеследующих наблюдений над исходной точкой и основными этапами процесса советизации Российской Академии наук.

История Российской Академии наук в дореволюционное время представляет высокий исторический интерес уже по той причине, что эта Академия с самого своего основания носила своеобразный характер как по своей структуре, так и по задачам, которые ей приходилось решать, а также по той роли, которую она играла, начиная с XVIII в., развитии русской культуры и образованности. Долголетний непреременный секретарь Академии в императорский и советский периоды академик С.Ф. Ольденбург (1863 - 1934) писал¹⁾, что Академия наук дореволюционного времени ставила себе целью, кроме разработки чистого, теоретического знания, также всестороннее изучение России. Это - действительно структурная черта исследовательской работы Российской Академии - совмещение научного знания, как свободного искания истины во всех сферах познавательной деятельности человека, с глубоким и постоянным интересом к познанию родной страны, ее природы, производительных сил, ее истории и культуры, что служит непосредственным интере-

1) Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1925 г. Ленинград, 1926, стр. III.

сам родного народа и его правительства. В таком совмещении заключаются предпосылки и для дальнейшего развития науки, и для здорового, прогрессивного развития нации. Другой особенностью Российской Академии, так же с самого начала ее бытия, было то, что она являясь колыбелью русской науки в современном смысле, была вместе с тем рассадником знаний и образованности среди народа, перед которым широко открылось, благодаря реформам Петра Великого, "окно" в Западную Европу. Одним из условий этой просветительной деятельности Академии была ее педагогическая деятельность. Но этой деятельностью далеко не исчерпывалась возложенная на Академию наук в России ее миссия общественного служения.

Уже эти две особенности Российской Академии наук отличают ее от очень многих аналогичных учреждений в истории мировой культуры. Академии, как ученые общества или объединения ученых разных специальностей, были известны уже в древнем мире, начиная с первой Академии, основанной Платоном. Уже эти древние Академии были или свободными, независимыми от государственной власти частными союзами ученых, или государственными учреждениями. Они могли также включать в круг своей деятельности наряду с научным исследованием также и педагогическую работу, подготовку и воспитание новых кадров мыслителей и ученых специалистов. Но обычно древние Академии занимались научной деятельностью не для практических целей, а для нее самой. Это в основном относится и к Академии, которую основал Птоломей I в Александрии, известную под именем Музея. По его примеру аналогичные Академии возникали в начале нашей эры у евреев, как центры талмудической учености. Несколькими веками позже Академии были учреждаемы также и арабскими халифами. В Западной Европе смелую попытку создать Академию на основе весьма сузившегося фонда античной образованности предпринял Алкуин при дворе Карла Великого, но после того Академии в странах Европы отсутствовали в смысле ученых обществ, и наука находила себе пристанище лишь в монастырях. С наступлением эпохи Возрождения науки и искусств, в особенности с середины XV в., свободные Академии наук, как общества ученых и научно образованных людей,

обычно вместе с тем и любителей искусства, стали возникать в Италии - во Флоренции (знаменитая "платоническая Академия" Марсилио Фичино), в Неаполе, в Риме. В Римской Академии, учрежденной князем Чези в 1609 г. и закрывшейся в 1632 г., состоял членом Г. Галилеи. Основанная Ришелье в 1635 г. Французская Академия была посвящена главным образом вопросам французского языка и словесности и, подобно другим европейским академиям, имела характер общества ученых.

Петр Великий, основавший в 1724 г. Императорскую Академию наук в Санкт-Петербурге, поставил вопрос значительно шире. В его указе об учреждении Академии подчеркивается, что в деле "возращения в России наук и художеств" нельзя следовать образцу, принятому в других странах, и что надлежит принимать во внимание нужды здешнего государства в отношении как обучающихся, так и обучающихся. Практические, то-есть государственные и педагогические цели деятельности будущей Академии Петр не отделял от теоретических, первые у него даже не могли не преобладать над последними. Притом вопросы гуманитарного просвещения, вопросы философии, филологии, истории в петровских проектах вообще отсутствовали. В этом отношении резервом у Петра оставалась старая Киевская Академия, в XVII столетии известная под именем Киево-Могилянской Коллегии и переименованная в Академию Петром 26 сентября 1701 г. Киевская Академия объединяла высшую богословско-философскую и словесную школу с научным учреждением тех же специальностей и оказывала огромное влияние на культуру как предпетровской России, так и Империи первой половины XVIII ст. Многие культурные деятели того времени, прежде всего епископы, а также профессора и преподаватели духовных школ, но и многие светские писатели и ученые, были воспитанниками Киевской Академии. В дополнение к ней, но со многими своеобразными чертами развивалась в то же время возникшая накануне петровской эпохи "Славяно-греко-латинская Академия" в Москве.

Каких результатов могла достигнуть передовая личность первой половины XVIII в. в России на основе образования, полученного в духовных Академиях, показывает блестящий пример Феофана Прокоповича, ближайшего сподвижника Петра в его реформах. Тем не менее преобразователь неизбежно должен был идти по другому пути. Объединяя научную деятельность будущей Академии с педагогиче-

скими и иными просветительскими задачами, он создал проект своей Академии наук на основе не византийско-теологической науки, хотя бы и с сильным элементом европейского Ренессанса, а нового западного математического естествознания, и в будущих воспитанниках Академии он видел не кандидатов для служения Церкви или вкусам придворного общества, а энтузиастических деятелей секуляризованного государства, прежде всего в области техники и промышленности, но затем и на всех основных позициях культурной деятельности в европеизирующейся России. Первыми академиками в Петербурге были иностранные ученые, призванные, главным образом, из Германии. Громадную роль в первоначальных переговорах с западными учеными играл знаменитый философ и ученый Христиан Вольф. Затем эти переговоры были поручены лейб-медику Петра Блюментросту, впоследствии первому президенту Академии. Кандидаты в будущие академики отбирались добросовестно и строго²⁾. Это - факт чрезвычайной важности, так как, благодаря этому, молодая русская Академия наук, не имевшая еще собственных ученых в европейском смысле, сразу стала на ноги: такие ученые, как Герман, Николай и Даниил Бернуллы, Бильфингер и др., приглашенные в петербургскую академию, упрочили за ней положение, сделавшее ее равной аналогичным учреждениям в Западной Европе. В своей "Истории Императорской Академии наук" академик П. Пекарский сообщает, что Христиан Вольф вначале сомневался в целесообразности организации в России академии наук, так как в России не было еще ни университетов, ни достаточного числа средних школ. В переписке с Блюментростом он откровенно высказал мнение, что для России было бы легче и полезнее вместо академии наук основать университет. Но предложение Вольфа не встретило в Петербурге сочувствия.

Несмотря на почти полное отсутствие в России начальных и средних школ в конце XVII и в начале XVIII столетия, Петр I все же решительно остановился на мысли о создании академии наук, как высшего научного учреждения страны. На это несоответствие, кроме Вольфа, указывал также просвещенный современник Петра В.Н. Татищев (1686 - 1750); о Петре и академии он говорил:

2) П. П е к а р с к и й. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870, т. I, стр. LX.

"Ищет учителей, а учить некого, ибо без нижних школ Академия она, с великим расходом, будет бесполезна". Все же точка зрения реформатора оправдывала себя, так как ему нужны были новые люди, опиравшиеся на науку и технику в европейском смысле. О "нижних" школах он также проявил заботу: им были созданы светские "цифирные" школы, число которых достигало 50, а также специальные учебные заведения, каковыми были навигацкая школа, морская академия, инженерное и артиллерийское училища, математические и медицинская школы и др.

Первые академики, прибывшие в Петербург, были проникнуты тем же духом добросовестности и строгости к своим научным работам, каким руководился сам Вольф. "Даже молодые люди, - писал П. Пекарский, - приглашенные в качестве адъюнктов, впоследствии сделались членами Академии и оказались способными и талантливыми людьми, оставившими после себя заметный след в науках (Эйлер, Мюллер, Гмелин, Крафт, Вейтбрехт)"³⁾. Так, один из этих ученых, великий математик Леонард Эйлер именно в научной атмосфере Российской Академии наук получил такие условия и импульсы для своей научной деятельности, что после первого своего пребывания в России (1733 - 1740), будучи вынужден тяжелыми событиями в России времен Бироновщины, возвратиться в Германию, непрерывно стремился возвратиться в Петербургскую Академию, в изданиях которой он продолжал печатать свои научные исследования. Екатерина Вторая пригласила его вновь в Россию, где он и работал с 1766 по 1783 г. Он умер и погребен в Петербурге. Этот пример одного из величайших ученых, каких только знает история человечества, ясно демонстрирует ту репутацию, какой пользовалась Российская Академия и с какой силой она привлекала к себе европейских ученых.

Уже первая научная конференция академиков, состоявшаяся 12-ноября 1725 года, прошла на уровне достижений передовой западноевропейской науки того времени. В Архиве Академии сохранился протокол этой конференции; в нем сообщается, что академики обсуждали вопрос о сплюснутости земли ("De figura telluris spheroides") согласно теории Ньютона⁴⁾. В 1728 г. начал выходить

3) Там же.

4) Г.А. К н я з е в. Краткий очерк истории Академии наук СССР. Москва-Ленинград, 1945, стр. 10.

орган Академии "Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae", сразу приобретший мировую известность⁵⁾.

Большой заслугой Императорской Академии наук в XVIII веке были ее работы по изучению природных богатств России. География, минеральные богатства страны, ее флора и фауна впервые изучались такими учеными, как П.С. Паллас, С.П. Крашенинников, И.И. Лепехин, С.Г. Гмелин, Н.П. Рычков, Н.Я. Озерецковский и др. Значительны были достижения в области научной терминологии, в вопросе об отделении русского языка от старославянского, в открытии принципа тонического стихосложения в русском языке.

Знаменитый академик русского происхождения М.В. Ломоносов (1711 - 1765) стал великим и многосторонним ученым и писателем именно в атмосфере Российской Академии. В нем счастливо соединялся исключительный дар научного анализа с синтетическим мышлением. Эти особенности умственного склада Ломоносова утвердились в нем не только под влиянием общего энциклопедического стиля учености его времени. Здесь имели громадное значение потребности русской жизни, ждавшей всестороннего обновления и преобразования, и именно Академия наук была тем руководящим учреждением, в котором со всех сторон сливались требования и заявления о создании научных предпосылок для удовлетворения культурных нужд страны.

И научному одушевлению, которое было свойственно и иностранным по происхождению членам Российской Академии, у Ломоносова присоединялся беззаветный патриотизм. Он не только хотел, но и должен был работать в области самых различных специальностей - химии, физике, астрономии, металлургии и горного дела, географии, биологии, истории, русской грамматике. Совместно с многоученым В.К. Тредиаковским Ломоносов открыл принцип тонического стихосложения в русском языке. Вместе с тем этот великий просветитель был и борцом за полную свободу научного исследования вообще и прежде всего в Академии наук. Понимая, что Академия наук есть по существу ученое, а не педагогическое учреждение, он стал действительным основателем первого в России университета в Москве.

5) Там же, стр 11.

В общем нельзя не признать успехи Российской Академии наук в XVIII в., то-есть в течение уже первых трех четвертей века ее существования поразительными и имеющими мало аналогии в предшествовавшей истории научного исследования в Европе. Одним из существенных условий этого раннего расцвета была государственная организация Академии. Она была задумана Петром, открыта при Екатерине I, развивалась при Елизавете и Екатерине II, как официальное имперское ученое учреждение, а не как общество отдельных энтузиастов науки. Петербургские академики не приносили в Академию готовых плодов исследования, произведенного в других местах - в частных кабинетах или в университетах, - а производили исследования в стенах самой Академии с ее богатой библиотекой, обширным физическим кабинетом, оптической камерой, астрономической обсерваторией, химической лабораторией, анатомическим театром и др. Академия стремилась создать все условия для успешной научной работы своих сочленов, и правительство по большей части шло навстречу этим пожеланиям. Если в XVIII в. не всегда нормально - и даже, в тяжелые моменты политических пертурбаций, иногда ненормально - обстояло дело с нормами вознаграждения самих академиков, то на содержание исследовательских и вспомогательных учреждений Академии почти всегда обращалось должное внимание и на эти цели отпускались значительные по тому времени денежные суммы. Даже советские официальные историки Академии наук, в обязанность которых входит всевозможным образом чернить деятельность дореволюционного русского правительства и представлять его культурные мероприятия в самом жалком виде, вынуждены признать, что "русская Академия в первом десятилетии своего существования располагала превосходными для своего времени подсобными учреждениями", что "Академия стала реальной помощницей государству в вопросах техники, в изучении страны, ее географии, населения, естественных богатств"⁶⁾. Этим достижениям Академии не составили непреодолимой преграды даже такие отрицательные факторы ее ранней истории, как борьба между немецким и русским началами в академической корпорации или расхождения между академиками и бюрократической администрацией. Во всяком случае, принцип свободы

6) Академия наук СССР, БСЭ, 2 изд., т. I, 1949 г., стр. 572.

научного исследования в области как точных и естественных наук, так и в области истории или словесности уже в XVIII столетии был положен в основу жизни Российской Академии наук. Целый ряд блестящих научных открытий петербургских академиков того времени есть красноречивое доказательство свободы исследования, которой пользовались академики. Влияние императорского двора, обязанность составлять торжественный отзыв по случаю династических празднеств и воцарений были не тяжелой платой за возможность свободно определять темы исследования и нести ответственность только за результаты свободного научного творчества. Также и в области мировоззрения никто не требовал от академиков определенного кредо, и, если Ломоносов писал оды также и религиозного содержания, то делал это не по приказу правительства или Церкви, а по собственному убеждению. В настоящее время советские историки пытаются доказать, что Ломоносов по своим философским воззрениям был материалистом. Эти попытки в научном отношении безнадежны⁷⁾, но, если бы Ломоносов действительно был материалистом и оставался при этом академиком до своей кончины, не подвергаясь преследованиям за свои философские убеждения, то разве это положение не являлось бы новым доказательством умственной свободы в Академии того времени?

Согласно уставу Академии наук, утвержденному 24 июля 1747 года, в ней функционировали лишь физико-математические и естественные науки с выполнением педагогических функций. 25 июля 1803 года был принят новый устав, ставший основой академической деятельности на долгое время. Этот устав подчеркивал значение чисто теоретического исследования, поднимая его над практикой научного творчества прикладного характера. Александровский устав говорил об Академии, как "Первом ученом обществе Империи", целью которого является "расширение человеческих знаний". Этим статутом была гарантирована свобода научного исследования в Академии наук: ей предоставлялось право избрания новых членов, утверждение которых оставалось прерогативой императорской власти. Теперь к компетенции Академии было присоединено и изучение "истории статистики и политической экономии". За Академией были еще

7) Ср. проф. В.В. Зеньковский. О мнимом материализме русской науки и философии. Изд. Института по изучению СССР, Мюнхен, 1956, стр. 15-18.

сохранены педагогические обязанности в виде подготовки к ученой деятельности "академических воспитанников из российских уроженцев".

Русский язык и словесность не были включены тогда в круг академических дисциплин по той причине, что ими занималось особое учреждение - Российская Академия, существовавшая с 1783 до 1841 года.

В 1836 г. устав 1803 г. был заменен новым статутом, который, с некоторыми изменениями, действовал до 1927 г. Он сохранял в основном конституцию 1803 г., но освобождал Академию от педагогических функций. В сохранении их за Академией более не оставалось необходимости в связи с открытием в 1755 г. Московского университета, предположенным открытием других университетов и общим культурным развитием страны, при котором подготовка новых высококвалифицированных специалистов могла идти различными путями.

В 1841 г. Российская Академия была присоединена к Императорской Академии наук, которая после этого присоединения была подразделена на три отделения: 1) физико-математических наук, 2) русского языка и словесности и 3) историко-филологических наук.

Одной из особенностей развития Академии наук в XIX в. была перестройка всегда остававшейся связи Академии с практическими задачами русской экономики и культуры. Петровский дух бурной индустриализации и общей реформации заменился в стенах и учреждениях Академии преобладанием элементов теоретического знания по всем возможным научным специальностям. Было бы, однако, ошибочным говорить об Академии наук XIX в. как о некоей "башне из слоновой кости", отделившейся от действительной жизни страны и посвятившей себя отвлеченным, бесполезным для нации изысканиям. В это время в организации научной жизни в России обнаружилось исторически необходимое и являвшееся залогом дальнейшего прогресса разделение труда. Колоссально возросшие и все более возрастающие потребности промышленности, сельского хозяйства, народного образования и искусства удовлетворялись специальными институтами, учеными обществами и всевозможными специальными консультациями. Страна была покрыта разветвленной сетью университетов, технических и гуманитарных высших школ и специфически ориенти-

рованных училищ. Академия наук должна была оставаться ученым штабом высших категорий теоретического исследования, от которого, в конечном счете, зависела разработка практических задач народной экономики и культуры. Установление иерархии в ученом исследовании в этом смысле было вполне естественным и прогрессивным явлением. Насаждаемое советскими официальными авторами вульгарное представление об отрыве от жизни и практики в работе Академии наук XIX в. опровергается уже фактом быстрого и плодотворного роста научных учреждений Академии в прошлом столетии.

Петровская кунсткамера была упразднена в 1831 г., но еще до этого на ее основе возникло несколько новых учреждений, к которым позднее присоединилось много других. Был основан Азиатский музей (1818), развившийся в центр русского востоковедения. Были открыты Анатомический кабинет и Минералогический музей, Ботанический музей (1824), Зоологический музей (1832), музей антропологии и этнографии (1879). В 1839 г. основана Пулковская обсерватория, в 1849 г. создана Главная Физическая обсерватория. Позднее были учреждены: Физиологическая (1889) и Зоологическая (1893) лаборатории, а также Лаборатория по анатомии и физиологии растений (1890); основана Севастопольская биологическая станция (1892). В 1883 г. к Академии наук были присоединены Тифлисская физическая, а в 1884 г. Екатеринбургская и Иркутская магнитно-метеорологические обсерватории. В 1875 г. учреждена Константиновская магнитная и метеорологическая обсерватория в Павловске; Геологический музей был основан в 1898 г. Русский археологический институт в Константинополе, возникший в 1894 г., был связан с Академией наук.

В 1900 г. была образована Постоянная центральная сейсмическая комиссия. В 1902 г. была учреждена должность ученого корреспондента в Риме при историко-филологическом отделении Академии наук. С 13.I.1895 г. в распоряжение Академии наук было назначено по 50 000 р. ежегодно для выдачи пособий нуждающимся ученым, литераторам и публицистам и образована с этой целью особая постоянная комиссия. В память столетия со дня рождения Пушкина в 1907 г. было утверждено положение о Пушкинском доме (Институт русской литературы).

В XIX столетии Академия наук в Петербурге была одним из центров мировой науки.

Ко времени первой мировой войны при Академии наук существовало премий на общую сумму в 1 702 837 р. 86 к. К тому же времени Академия наук издавала следующие главнейшие издания и серии:

1. Известия Императорской Академии наук в СПб; 2) Записки Импер. Академии наук по физико-математическому отделению; 3) Ежегодник Зоологического музея; 4) Труды Ботанической лаборатории; 5) Труды Ботанического музея; 6) Известия Постоянной центральной сейсмической комиссии; 7) Труды Геологического музея им. Петра Великого; 8) Сборник Отделения Русского языка и словесности; 9) Известия Отделения Русского языка и словесности; 10) Исследования по русскому языку; 11) Памятники старославянского языка; 12) Пушкин и его современники. Материалы и исследования; 13) Статьи по славяноведению; 14) Энциклопедия славянской филологии; 15) Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению; 16) Византийский временник; 17) Образцы народной литературы тюркских племен; 18) Сборник музея по антропологии и этнографии; 19) Памятники русского законодательства; 20) Россия и Италия. Сборник исторических материалов, касающихся сношений России с Италией; 21) *Bibliotheca Buddhica*⁸⁾.

В XVIII и XIX вв. в составе Академии наук было много крупных ученых, благодаря которым петербургская Академия приобрела заслуженную известность во всем мире. Вот имена некоторых из них. В области истории литературы и языковедения: Востоков, Тихонравов, Буслаев, Пыпин, Фортунатов, Веселовский, Грот, Шахматов; в области истории: Миллер, Байер, Шлецер, Карамзин, Погодин, Строев, Соловьев, Ключевский, Платонов, Котляревский, Кондаков, Виноградов; по востоковедению: Френ, Шмидт, Шифнер, Розен, Залеман, Ольденбург; по биологии: Лепехин, Гмелин, Паллас, Крашенинников, Лангсдорф, Бэр, Шренк, Миддендорф, Ковалевский, Коржинский, Анучин, Фаминцын, Заленский, Брандт, Палладин (ботаник), Мензбир; по минералогии и геологии: Кокшаров,

8) Б. М о д з а л е в с к и й. Академия наук, Императорская Санктпетербургская. Новый энциклопедический словарь (б. Брокгауз и Эфрон), т. I, столб. 638-660.

Шмидт, Чернышев, Федоров, Карпинский; по астрономии: Вишневский, Струве, Бредихин, Глазенап; в области химии: Ловиц, Якоби, Зинин, Бейльштейн, Бутлеров, Бекетов; в области физики: Ленц, Купффер, Гадолин, Голицын; по математике: Бернулли, Эйлер, Буняковский, Остроградский, Чебышев, Марков, Ляпунов.

Достижения старой Академии были значительны не только в области математики и естествознания, но и в сфере гуманитарных наук. Исследования академика А.Н. Веселовского (1838 - 1906) в области русской и западноевропейских литератур выдвинули русское литературоведение на одно из виднейших мест в мировой науке. Большой вклад в науку по истории русского языка и истории летописания был сделан академиком А.А. Шахматовым (1864 - 1920). В области истории академик С.М. Соловьев (1820 - 1879) на основании добытых им из архивов новых источников собрал огромный и тщательно проверенный материал, на основании которого им написана 29-томная "История России". Ценнейшим вкладом в историческую науку явились также работы академика В.О. Ключевского (1841 - 1911), сохранившие свое значение до сего времени. Изданные Академией восточные словари, особенно санскритские, много содействовали изучению Востока и успехам языкознания. По востоковедению получили особенную известность и общее признание работы академиков В.В. Бартольда (1869 - 1930) и С.Ф. Ольденбурга (1863 - 1934).

Академия наук уделяла много времени и труда также вопросам археологии, этнографии, антропологии, истории народного творчества и древнейшей письменности. Музей антропологии и этнографии, которому в начале XIX столетия была передана Петровская галерея из Эрмитажа, а также и Азиатский музей были ценными хранилищами памятников быта и письменности. Эти коллекции были дополнены собранием образцов дальневосточного быта и коллекцией древностей бронзового века, представлявшими личную собственность императора Николая II и подаренными им Академии⁹⁾.

Быстрое и широкое развитие техники и промышленности в России в начале XX в. вновь потребовало усиления в исследовательской деятельности Академии наук элементов прикладного естествознания

9) Ср. Н. Котляревский. Императорская Академия наук в царствование императора Николая II. Речи по случаю 300-летия Дома Романовых. Петроград, 1915, стр. 99-100.

и изучения производительных сил страны. Условия, созданные первой мировой войной - эвакуация многих предприятий, поиски новых источников энергии, проектирование новых путей сообщения, необходимость нового строительства, новые задачи снабжения населения и др. - только обострили эту назревшую потребность разрешения народно-хозяйственных проблем на высшем уровне научного исследования, то-есть именно в учреждениях Академии наук. Результатом этих стремлений к сближению академического исследования с непосредственными задачами военного периода было учреждение в 1915 г. при Академии наук постоянной Комиссии по изучению естественных богатств России.

В 1925 г. Академия наук праздновала свой 200-летний юбилей. Кроме 1000 делегатов из СССР, на празднество прибыли представители академий и университетов Западной Европы, Америки, Азии и Австралии. Представители 29 стран, главным образом, ученые, состоявшие почетными членами или членами-корреспондентами, приветствовали Академию наук, отдавши должное ее заслугам в развитии мировой науки. Так как к тому времени Академия существовала под советской властью лишь около восьми лет, то основные ее достижения и заслуги, отмеченные на юбилейном торжестве, относились, главным образом, к дореволюционному периоду ее работы.

В общем, в дореволюционной истории Российской Академии наук можно различать два периода. Первый период от основания Академии (1724 г.) до середины XIX столетия. Это время характеризуется формированием нового мировоззрения на основе открытий и учений Коперника, Джордано Бруно, Галилея, Ньютона. В области минералогии, ботаники и зоологии это был описательный период; в области изучения языка - важный период оформления русской терминологии и русского литературного языка. Все основные черты организации Академии наук дореволюционного времени уже определились в этом периоде: ее государственный характер и непоколебимая прочность ее материальной и юридической базы, принцип свободного исследования, автономия академической корпорации (хотя и не без борьбы с бюрократической администрацией), связь теоретического исследования с практическими потребностями народного хозяйства, сложность структуры, высокая авторитетность в стране; педагогические обязанности в связи с существованием при Академии университета с гимназией или только в виде подго-

товки академических воспитанников к научной деятельности, были одной из отличительных особенностей именно этого начального периода.

Второй период, начиная примерно с середины XIX столетия до революции 1917 г., характеризуется быстрым развитием теоретической науки. В области, например, науки о жизни это был период дифференциации многочисленных биологических дисциплин. В области гуманитарных наук, как отмечено выше, Академия сделала в этот период крупный вклад в русскую и мировую науку.

Несмотря на то, что Академия была теперь обеспечена более определенными, чем в XVIII в., нормами государственного финансирования, она продолжала пользоваться и в этот период своей истории большой свободой исследования. Один из новейших историков справедливо подчеркивает значение таких фактов, как избрание С.В. Ковалевской членом-корреспондентом Академии наук или избрание почетными членами Академии из числа западноевропейских ученых таких корифеев свободного научного исследования, как Лайелль, Дарвин, Пастер или Гельмгольц¹⁰⁾. Влияние императорского двора или отдельные случаи неутверждения избранных Академией кандидатов в ее члены были факторами малого значения: в соответствующих случаях мы имеем дело лишь с редкими исключениями. Также и то обстоятельство, что в 1889 г. президентом Академии стал великий князь Константин Константинович, ничуть не отразилось в отрицательном смысле на академической автономии и свободе исследования и суждения: этот представитель династии был широко известен своими, унаследованными от отца либеральными воззрениями. Действительной высшей властью в Академии наук в XIX в., как и в начале XX в., обладало общее собрание членов Академии. В этом периоде в Академическом исследовании в особенности усилилось начало теоретического знания, педагогические функции были устранены из обязанностей академиков, число членов Академии к 1917 г. выросло до 47 (по первоначальному проекту Петра I - 11); количество академических учреждений увеличилось в несколько раз сравнительно с предыдущим периодом; общий объем научной работы Академии стал громадным.

10) Alexander Vucinich. The Soviet Academy of Sciences. Stanford University Press, Stanford, 1956, p. 6.

Советский период (с 1917 г.) Российской Академии наук является третьим в ее истории. Этот период характеризуют следующие основные черты: 1) необыкновенно бурный рост числа научных учреждений Академии, а также числа академиков и научных сотрудников; 2) введение в научные исследования во всех областях знания обязательного унифицированного мировоззрения; 3) введение принципа "партийности науки"; 4) неограниченный контроль всей научной продукции и жизни Академии со стороны государственной тоталитарной власти; 5) безусловное подчинение научной деятельности Академии потребностям народного хозяйства страны и социалистического государства; 6) восстановление педагогических функций, но в ранее невиданных обширных масштабах; 7) превращение Академии в высший центр всей научной деятельности в СССР; 8) колоссальное увеличение масштабов работы и издательской деятельности Академии, превратившее ее в величайшее ученое учреждение в истории.

Академик С.И. Вавилов (1891 - 1951), предшествовавший на посту президента Академии наук современному президенту А.Н. Несмеянову, писал о дореволюционном периоде развития русской науки, что Петр I вдохнул в старорусскую науку с византийскими традициями новый дух Галилея и Ньютона; в течение двух столетий эта наука росла и развивалась, но была недостаточна по объему и по своему проникновению в жизнь¹¹⁾. Это было сказано им для оправдания того радикального преобразования Академии наук, которое было проведено коммунистическим правительством.

11) С.И. В а в и л о в. Статья "Наука". БСЭ, т. СССР, 1947, столб. 1255.

2. Этапы "советизации" Российской Академии наук

Об Академии наук в том виде, в каком она перешла к советской власти, непреременный секретарь Академии академик В. Волгин (коммунист) писал в 1932 году, что отношение Академии наук к советской власти в первый период после Октябрьской революции характеризуется словом "нейтралитет". Академия наук в это время являлась не чем иным, как одним из многих научных учреждений Ленинграда, и ее основная работа сводилась к накоплению и систематизации научных материалов: задача почетная, но для академии наук явно недостаточная. Академик Волгин отметил далее, что "некоторый сдвиг в работе можно признать только после окончания гражданской войны в связи с первыми успехами восстановительного периода"¹²⁾.

Такой отзыв о работе Академии наук в первые годы революции не вполне справедлив. Полуголодное состояние населения больших городов того времени, в том числе и работников науки, мало благоприятствовало научной деятельности. И все же, несмотря на голод, террор и неуверенность в завтрашнем дне, ряд академических институтов проделал важную научную работу. Так, сейсмологический отдел Физического института принимал участие в работах, связанных с прокладкой Турксиба, то-есть Туркестано-Сибирского пути, а также в работах по изучению крымского землетрясения. Еще в годы гражданской войны Академия приступила к детальному изучению района курской магнитной аномалии, которое затем привело к открытию громадных залежей железных руд (академики П.П. Лазарев и И.М. Губкин). В 1920 году академик А.Е. Ферсман с сотрудниками начал исследования на Кольском полуострове, что привело к открытию важных апатито-нефелиновых залежей, ставших основой ряда отраслей химической промышленности. Почвенный институт Академии разрабатывал почвенные карты СССР и т.д.

По декрету советского правительства от 27 июля 1925 года, Российская Академия наук была преобразована в высшее научное учреждение Советского Союза с присвоением наименования - "Академия Наук СССР".

12) В. В о л г и н. Академия наук к 15-й годовщине Октября, "Фронт науки и техники", 1932, № 11-12, стр. 25.

Значительное умножение числа академиков, равно как и большие перемены в Академии произошли в 1929 году. Академия избрала 42 новых члена, в том числе 18 лучших инженеров-строителей, а также ряд ученых-членов коммунистической партии; в Академию вошла и укрепилась официальная философия диалектического материализма. Первый советский устав Академии наук был утвержден правительством 18 июня 1927 года, он заменил устав 1836 года. Был установлен и новый порядок избрания действительных членов Академии: правом выдвигать кандидатов в академики пользовались научные учреждения, общественные организации и группы ученых; перед их избранием давала свое заключение о них особая комиссия из академиков и ученых всех союзных республик. Далее, вместо прежних трех, еще в 1926 году было образовано два отделения: отделение математических и естественных наук (ОМЕН) и отделение общественных наук (ООН).

Дальнейшая советизация Академии шла планомерно из года в год.

14 декабря 1933 года было опубликовано постановление советского правительства о переходе Академии наук в ведение Совета Народных Комиссаров СССР. 22 апреля 1934 года было издано постановление о переводе Академии из Ленинграда в Москву, ближе к центральной власти.

По вопросу о том, какой Академия была раньше и какой она должна быть с точки зрения коммунистической партии, высказался в это время академик-коммунист А.Бах (биохимик).

Он писал¹³⁾, что прежняя Императорская Академия наук была "строго классовой по своему составу" и "узко-кастовой по духу". Так как за два столетия своего существования Академия проделала огромную работу по разностороннему изучению производительных сил страны и, по общему признанию, внесла ценный вклад в мировую науку, то вполне естественно, что советская власть, приступая к строительству "социалистического общества", стремилась как можно лучше использовать Академию наук для осуществления своих задач. Из такого утилитарного взгляда на высшее научное учреждение страны вытекало и фактическое отношение к

13) А.Н. Бах. К вопросу о переводе Академии наук. "Фронт науки и техники", Москва, 1934, № 5-6, стр. 142.

нему советской власти: с первых же дней своего существования советское правительство, - говорил Бах, - окружило Академию вниманием и заботливостью, закрывая глаза на ее "классовое нерасположение" к новому строю. Академик А.Н. Бах, инструктированный, несомненно, Центральным Комитетом коммунистической партии, писал далее о том, что Академия наук при советской власти должна быть высшим научным учреждением Советского Союза, "компетентнейшим и авторитетнейшим консультационным органом при правительстве по всем вопросам, касающимся развития и применения науки в строительстве нового общества". Для осуществления этой задачи необходимо оставить взгляд, согласно которому членство Академии наук есть почетная награда за выслугу лет по научной линии. Это членство должно быть "средством привлечения в это высшее научное учреждение лучших, наиболее действенных научных сил для в высшей степени важной для государства работы".

В следующем году¹⁴⁾ советским правительством был введен в действие третий за советское время устав Академии¹⁵⁾, еще раз подтверждавший, что последняя представляет собой высшее научное учреждение Советского Союза, объединяющее наиболее выдающихся ученых страны. Как высшее научное учреждение страны, Академия наук СССР выполняет научно-исследовательскую работу, разрабатывая "крупнейшие проблемы науки во всех ее отраслях". Академия изучает "природные богатства и производительные силы страны, а также культурные и экономические достижения человечества"; содействует повышению квалификации научных работников СССР; консультирует высшие правительственные органы СССР в научных вопросах. Академия состоит на государственном бюджете¹⁶⁾ и занимает в государственной системе приблизительно такое же положение, как народный комиссариат (министерство), а президент Академии - как народный комиссар (министр).

Устав 1935 года означал превращение Академии наук в послушное орудие советского правительства и коммунистической партии. Этому превращению еще более содействовало новое распоряжение правительства о слиянии Академии наук с Коммунистической Академией (1936 г.), которая до сих пор, находясь в стороне от

14) 23 ноября 1935 года.

15) Второй советский устав был введен еще до перевода Академии наук в Москву, в 1930 году.

16) Бюджет Академии наук в 1938 г. равнялся 126 700 000 руб., в 1939 г. - 158 000 000 руб., в 1940 г. - 176 912 000 руб.

Академии наук, не могла оказывать значительного влияния на направление работ и на жизнь последней.

Как известно, около 1928 - 1929 гг. началось "социалистическое строительство", в результате чего возникли новые хозяйственные центры. Согласно марксизму-ленинизму, это означает и возникновение новых культурных центров. От некоторых советских республик и областей, в которых развернулось новое строительство, начали поступать в центральное правительство требования об учреждении филиалов Академии наук для руководства научными лабораториями и институтами, возникшими при новых фабриках и заводах. Мы не знаем, действительно ли эти требования возникли по инициативе с мест или же они были инспирированы из центра, но, во всяком случае, Академия наук отнеслась к этим требованиям благосклонно и постепенно основала целую сеть своих филиалов и специальных станций по всей территории Советского Союза. Задача этих филиалов, согласно официальным советским источникам, состояла в развитии научных исследований в отдаленных областях страны с целью "удовлетворить местные нужды народного хозяйства и поднять культурный уровень населения". В 1949 году за Академией наук числилось 16 филиалов с 34 институтами. Некоторые прежние филиалы были преобразованы в самостоятельные академии наук; так, в послевоенные годы возникли семь новых академий союзных советских республик: Азербайджанская, Армянская, Грузинская, Казахская, Узбекская, Таджикская и Туркменская. Кроме этих последних, имеются еще академии Белорусская (основана 13 октября 1928 г.), Латвийская, Литовская, Эстонская.

В Москве существует Совет по координации деятельности Академии наук СССР с работой академий наук союзных республик. Украинская Академия наук в Киеве стоит особняком. В течение, по крайней мере, первых двух десятилетий своего существования она была вполне автономна и независима от Академии наук СССР; связь между ними началась лишь перед второй мировой войной в форме так называемого социалистического соревнования между академиями. Украинская Академия была основана гетманом П. Скоропадским 14 ноября 1918 года, и первым ее президентом был известный биогеохимик академик В.И. Вернадский. Эта дата советскими источниками игнорируется, и в последнем издании Большой Советской Энциклопедии неправильно указывается, что Украинская Академия была основана в 1919 году при советской власти.

3. Учреждения Академии наук СССР и ее работники

Как упомянуто выше, Императорская Академия наук, переименованная в 1917 г. в Российскую Академию наук, состояла из трех отделений: 1) физико-математического, 2) русского языка и словесности и 3) историко-филологического. В 1927 г. второе и третье отделения были слиты в отделение общественных наук и в течение восьми лет (до 1935 г.) Академия состояла только из двух отделений.

Из этих отделений первое было переименовано в отделение математических и естественных наук (сокращенно: ОМЕН) и было подразделено на шесть групп: 1) техники, 2) биологии, 3) геологии, 4) математики, астрономии и физики, 5) химии и 6) географии. Второе отделение получило марксистское наименование: отделение общественных наук (сокращенно: ООН). Оно состояло из трех групп: 1) истории, социологии и экономики, 2) языка и литературы и 3) востоковедения.

В 1935 г. было учреждено отделение технических наук (сокращенно: ОТЕН). Но через четыре года (в 1939 г.) Академия приняла структуру, существующую до сих пор: число ее отделений было доведено до восьми.

Прежде чем придти к этой окончательной структуре, новые хозяева Академии еще неявно представляли себе, как должна работать реорганизованная Академия. Вначале им показалась целесообразной мысль о комплексном выполнении научных тем. Поэтому около 1931 г. были образованы так называемые ассоциации, то есть объединения родственных институтов, после чего Академии было предложено приступить к разработке проблем, выдвинутых уже всецело в духе ближайших задач действенного марксизма-ленинизма-сталинизма в виде следующих семи "комплексов проблем":

1. Проблемы, связанные с изучением "глубочайших основ структуры материи" на основе новейших достижений астрономии, физики, химической физики и химии. - Эти проблемы имеют, по словам неперменного секретаря Академии наук того времени академика В. Волгина, "огромное теоретическое и практическое значение и представляют один из важнейших ключей к совершающейся ныне во всех областях естествознания революции". В разработке этих

проблем принимали участие: Математический, Физический и Геохимический институты, Комиссия по изучению солнца, Химическая ассоциация.

2. Проблемы изучения и освоения природных ресурсов СССР. Сюда относится форсированная ликвидация "белых пятен" на карте СССР и всестороннее изучение наиболее важных в народнохозяйственном отношении районов, а также "исследование истории развития земной коры на территории СССР в различные геологические эпохи". В этой работе на первый план выдвигалось изучение таких районов как Поволжье, Урал, Сибирь, Казахстан, Ленинградская область, создающая собственную сырьевую базу для ленинградской промышленности. Над этим "комплексом" работали: Геологическая и Биологическая ассоциации, Сейсмологический институт и Совет по изучению производительных сил.

3. Проблемы, связанные с развитием энергетики Советского Союза, с систематическим увеличением энергоресурсов, открытием новых источников энергии, с вопросами передачи энергии на расстояние, электрификации индустрии, транспорта и сельского хозяйства. Сюда относились работы Энергетического института, Химической ассоциации и Совета по изучению производительных сил.

4. Проблемы, связанные с "гигантским новым строительством, развертывавшимся на территории Советского Союза". Сюда относились: индустриальные гиганты, каналы, железные дороги, коммунальное строительство и т.д. Этот "комплекс" занимался изучением "стандартов" размещения производительных сил, проводил сейсмические изыскания и делал расчеты, исследования строительных материалов, разрабатывал вопросы оздоровления территории городов и т.д.

5. Проблемы, связанные с химизацией СССР. Сюда относится изучение химической структуры вещества, новых методов физико-химического и химического исследования, скоростей химических реакций, синтеза органических продуктов, химии нефти, сапропелитов, угля, металлов, агрохимии, лесохимии. Изучение этих вопросов представляет теоретическое основание для развертывания химической, топливной и металлургической промышленности Советского Союза. В разработке этих проблем принимали участие Химическая и Геологическая ассоциации.

6. Проблемы, связанные с изучением развития органического мира, имеющие "огромное теоретическое и практическое значение". Их разрешение дает ключ к ряду кардинальных вопросов социалистической реконструкции легкой промышленности и сельского хозяйства, к повышению качественных показателей (повышение урожайности, борьба с засухой, выведение новых форм культурных растений, подъем советского животноводства, создание сырьевой базы для легкой промышленности). Над этими проблемами работали: Биологическая ассоциация, Почвенный институт и Совет по изучению производительных сил.

7. Проблемы социально-исторические, изучавшиеся учреждениями отделения общественных наук. Академия наук проводила в этой области изучение следующих вопросов: а) пути преодоления "пережитков капитализма в экономике и сознании людей" в стране "строящегося социализма" у различных национальностей, входящих в состав СССР; б) исторический процесс возникновения различных общественных институтов и классов; в) история докапиталистических общественных формаций; г) возникновение капитализма и генезис пролетариата; д) история колониальной эксплуатации и угнетения как в бывшей Российской империи, так и вне ее: в славянских странах и на Востоке; е) специальное изучение истории науки и техники (с привлечением к разрешению этой задачи всех институтов Академии наук). Приведенный перечень семи "комплексов проблем"¹⁷⁾ представляет в сущности основную "проблематику" в советских академиях наук, в различных вариантах планируемую и до сего времени. Планирование первых шести "комплексных" проблем понятно с точки зрения нужды в научном руководстве, испытываемой промышленностью и сельским хозяйством СССР. Но наличие седьмого "комплекса проблем" говорит не столько о стремлении к реальному знанию, сколько о тенденциозном перетолковании истории, социологии и философии. Что, например, имеют в виду марксисты-ленинисты, изучая "пути преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей"? Мы совершенно определенно знаем, что тут преследуется цель изучения и изыскания

17) Список этих проблем и комментарии к ним даны в статье академика В.Волгина - Академия наук к 15-й годовщине Октября. "Фронт науки и техники", Москва, 1932, № 11-12, стр. 27-28.

способов борьбы с религией, идеалистической философией и всеми направлениями мысли, не находящимися в согласии с историческим и диалектическим материализмом. Уже в начале тридцатых годов гуманитарные науки были разгромлены, и из жалких обломков прежних наук новые академики-коммунисты, считавшие себя единственно компетентными специалистами в области марксистской истории, социологии и философии, начали сколачивать суррогат этих наук, засоряя подлинное знание марксизмом-ленинизмом-сталинизмом.

Выше было отмечено, что с 1938 года число отделений Академии наук было доведено до восьми; отделения эти таковы: 1) отделение физико-математических наук; 2) отделение химических наук; 3) отделение геолого-географических наук; 4) отделение биологических наук; 5) отделение технических наук; 6) отделение истории и философии; 7) отделение экономики и права и 8) отделение литературы и языка. В 1949 году Академия насчитывала в своем составе 56 институтов, 15 лабораторий, 4 обсерватории, 7 музеев, 5 станций и свыше 50 комитетов и комиссий, работавших в Москве, Ленинграде, в Крыму и в других местах страны. Научная библиотека Академии имела около 15 000 000 библиотечных номеров. Академия издает в настоящее время 38 научных журналов по различным специальностям. Что касается персонального состава, то к 1950 году в ней работали 6053 научных сотрудника, в том числе 918 научных сотрудников со степенью доктора наук, 2455 со степенью кандидата наук и 2680 младших научных сотрудников (без ученой степени). В институтах и других учреждениях Академии в 1950 году работало 1734 аспиранта и докторанта¹⁸⁾. Общее число сотрудников Академии наук СССР, включая научный, технический и административный персонал, достигало 20 100 человек¹⁹⁾.

18) Аспирант - лицо, **подготавливающееся** к научной или преподавательской деятельности в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах. Продолжительность аспирантского стажа от 2 до 3 лет, после этого срока аспирант должен защитить диссертацию на ученую степень кандидата наук. Докторант - научный работник высшего учебного заведения или научно-исследовательского института, имеющий уже ученую степень кандидата наук; по окончании докторантского стажа защищает диссертацию на ученую степень доктора наук.

19) Статистические данные взяты из БСЭ, Москва, 1950 (статья "Академия наук СССР").

Таким образом мы видим, что политика тоталитарного государства по отношению к Академии дала большой внешний эффект, что видно также из сильно увеличившегося числа действительных членов (академиков). Если в первые годы советской власти число действительных членов не превышало 40, то в 1949 году оно равнялось уже 146. Поистине учреждением-левиафаном Академия стала после последних выборов новых академиков в 1953 году. "Правда" от 24 октября 1953 года писала, что эти выборы - самые крупные за всю 228-летнюю историю Академии: были избраны 51 действительный член и 148 членов-корреспондентов. Новые члены представляли 63 специальности. По отделениям вновь избранные действительные члены распределяются следующим образом:

№ Отделения Академии Наук СССР	Число вновь избранных действительных членов (1953)
1. Физико-математических наук	15
2. Химических наук	5
3. Геолого-географических наук	8
4. Биологических наук	4
5. Технических наук	13
6. Истории и философии	4
7. Экономики и права	2
8. Литературы и языка	-

В состав членов Академии наук, избранных в 1953 г., вошли ученые Москвы, Ленинграда, видные деятели науки Украины, Белоруссии, Армении, Эстонии, Латвии и других советских республик. По сообщению "Правды", общий состав Академии увеличился в результате выборов 1953 года в полтора раза.

К началу 1956 г. число научных работников возросло до 13 676 человек. В это время Академия наук имела в своем составе 150 академиков, 323 члена-корреспондента, 1216 докторов и 5187 кандидатов наук. Согласно статистическим данным, партийные организации академических учреждений с каждым годом усиливают свое влияние в научной работе все более и более. В 1950 г. среди научных сотрудников Академии было 1594 коммуниста (38 %), по последним сведениям (1955 г.) число коммунистов увеличилось до 2863 (42 %). Партийные организации академических учреждений выполняют полицейские функции, вмешиваются в организацию научной работы, в подбор и подготовку молодых сотрудников, "помогают директо-

рам научных учреждений мобилизовать коллектив на решение стоящих задач" 20).

Издательская деятельность Академии наук тоже возросла во много раз. Если до 1917 г. Императорская Академия печатала не более 600 авторских листов в год, то в 1955 г. было напечатано до 26 000 авторских листов. Печатная продукция Академии возрастала по годам следующим образом: в 1941 г. напечатано 10 000 авторских листов, в 1951 г. - 13 768, в 1953 г. - 15 000, в 1954 г. - 18 500, в 1955 г. - 26 000 авторских листов²¹⁾.

Такова внешняя сторона советской реорганизации Академии наук. Но одновременно с этой стороной в жизнь и работу Академии на протяжении более трех десятилетий вливался новый, специфически советский дух. Одной из предпосылок этого процесса было так называемое планирование научной работы.

4. Планирование научной работы

В начале тридцатых годов советская печать предприняла усиленную пропаганду в пользу идеи планирования научных исследований аналогично тому, как советская власть планировала народное хозяйство. Обычный шаблонный ход рассуждений был здесь такой: Советский Союз строит хозяйство на плановых началах, вовлекая миллионы трудящихся в социалистическое строительство; строительство социализма само есть наука в действии; поэтому необходимо в плановом порядке поставить всю науку на службу промышленности, транспорта, сельского хозяйства. И советское правительство потребовало в первую очередь от Академии наук осуществить планирование научной работы.

Подготавливая научную общественность к предстоящему обязательному планированию всех научных исследований в СССР, коммунистические вожди начали с дискредитирования прежней, в значительной мере свободной науки. Советский ученый А.Ярилов писал в 1931 году

20) А.Н. Н е с м е я н о в. О задачах Академии наук СССР в свете решений XX съезда КПСС. Вестник Академии наук СССР, 1956, 6, стр. 21.

21) Там же, стр. 19.

следующее²²⁾:

"Было время, и при том совсем еще недавно, когда раздельно и несоединимо существовали, с одной стороны, "чистая наука", а с другой - "прикладное знание". Первая развивалась "свободной инициативой человеческих личностей", как проявление "независимого личного творчества". Ничто и никто не может являться указкой для этого творчества и никто не может остановить свободный размах и свободные искания, гордую, не связанную по существу ничем, кроме рамок природы, силу свободного духа... Такая наука анархична, не укладывается ни в какие рамки, абсолютно автономна, свободна, и подчинить или планировать ее нельзя. Мы, ученые, можем выслушивать идею 15-летних генеральных планов, но ставить в зависимость от этих планов и строить на них научное исследование мы не можем... Руководящим принципом "чистой науки" было: изучай все, без каких-либо предпочтений, очередей и т.д. Ибо нет ничего более важного и менее важного. История науки учит, что казавшееся ничтожным, бесцельным оказывается потом важнейшим, служит мощным двигателем человеческой жизни и мысли. Человеческому разуму не дано предвидеть последствия... Вот почему не может быть оставлен "эмпирически испробованный путь" научно-систематического описания всего".

Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что А.Ярилову партийным комитетом Академии поручено было написать статью (тоже в порядке планирования) против свободной науки, и заказ был выполнен не вполне убедительным образом. В конце приведенной цитаты автор противоречит сам себе, - и читатель невольно чувствует больше симпатий к свободному, самоотверженному научному творчеству, чем к планированной и навязанной извне исследовательской работе. В ответ на критику свободно развивающейся науки мы можем сказать, что чисто механическое собирание фактов, пожалуй, удобнее и легче производить на основе планирования и коллективной работы. Но обработка этих фактов, синтетическая научная деятельность, где необходимы более глубокое научное мышление и творческое начало, представляет процесс, совершающийся в глубинах внутреннего мира исследователя. Этот процесс едва ли поддается внешнему планированию. Известный химик Вильгельм Оствальд, автор книги: "Великие люди", в этом случае сказал бы советским планировщикам науки:

22) А. Я р и л о в . Старая и новая Академия наук. "Фронт науки и техники", Москва, 1931, № 7-8, стр. 50.

настоящие исследователи, дающие миру новое, никогда не выдали бы бюрократам-планировщикам предмета своей тайной любви прежде, чем последний окончательно и полностью не вызрел бы в их душе. Если бы Коперник или Дарвин предварительно "запланировали" свою научную работу под контролем некоей планирующей государственной, а тем более тоталитарной власти, то едва ли они дали бы науке и человечеству то, что они создали как плод интимного. Долгие годы и десятилетия вынашивавшегося в их мышлении процесса.

В 1931 году коммунист В.Свердлов писал, готовя научных работников к предстоящему введению планирования научной работы, следующее:

"Мы строим наше хозяйство на плановых началах, втягивая миллионы трудящихся в дело социалистического строительства. Мы строим наше хозяйство на научной базе, все более и более поворачивая науку на службу социализму".

Около того же времени первая Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы (1930 - 1931) в своем обращении к ученым заявила:

"Советский Союз дал первый образец социалистического планового хозяйства. Вопреки прорицаниям буржуазных идеологов о невозможности планирования, социалистический план дал в руки пролетариата могущественное орудие. Мы сейчас работаем над тем, чтобы в плановом порядке поставить всю науку на службу социалистической реконструкции"... (подчеркнуто мной - Е.З.).

Н.И. Бухарин, один из виднейших в свое время лидеров большевизма, впоследствии избранный в действительные члены Академии наук, еще в 1927 году писал о необходимости "плановости"²³⁾

"Наука в СССР помогает строить разумное хозяйство, управляемое коллективом разумных людей... Но тем самым наука поднимает на небывалую высоту свою собственную роль. Из служанки богословия она превратилась когда-то в служанку золотого тельца. На наших глазах она превращается в друга и товарища трудящегося человечества. Она помогает строить социализм. Но строительство социализма само есть наука в действии. Социализм и наука неотделимы. Высшая степень плановости есть высшая степень научного руководства".

23) Н.И. Бухарин. Наука и СССР. "Научный работник", Москва, 1927, № 11.

Так писал Н.И. Бухарин по случаю 10-летия советской науки (в 1927 г.) Едва ли он был слишком наивным советским теоретиком, ослепленным розовой иллюзией будущего коммунистического строя, как один из лидеров большевизма он не мог не понимать, что планирование науки, слияние науки и политики, таит в себе опасность порабощения науки политикой. В 1929 г. Бухарин был избран в действительные члены Академии наук и, конечно, должен был утверждать, что советская наука "превращается в друга и товарища трудящегося человечества". Как известно, данные декларации Бухарина по времени совпали с началом борьбы с ним Сталина, приведшей к гибели лидера советской науки в 1938 г.

Советские пропагандисты тотального государственного планирования науки ссылались в свое время на пример западных стран; так, например, в журнале "Научный Работник" за 1926 год читаем²⁴⁾:

"Интересно, что в капиталистических странах научно-исследовательская работа все более и более концентрируется в руках государства. Так, в Германии наряду с превосходными химическими лабораториями крупных предприятий, как заводы Сименса и т.п., народились такие крупные государственные научно-исследовательские институты как Kaiser Wilhelm институты²⁵⁾, охватывающие ряд крупнейших химических проблем. В Америке наряду с колоссальными средствами, которые требует промышленность на исследовательские учреждения, государство затрачивает в последние годы до 60 миллионов долларов на организацию государственных институтов".

Однако следует заметить, что в демократических странах нет тотального охвата государственной властью всех исследовательских учреждений страны. Частичный переход научной работы в руки государства с демократическим строем далеко еще не означает планирования государством научной тематики в том максималистском смысле, в каком это имеет место в СССР.

Советские руководители планирования научных исследований видят смысл планирования в интенсификации научной работы и в "сознательном учете процесса и направления научной работы". Иными словами, эти последние два пункта имеют в виду не интересы науки, а интересы коммунистического государства, его идеоло-

24) Н.И. Федоровский. Роль исследовательских институтов в развитии промышленности СССР. "Научный работник", Москва, 1926, № 2, стр. 29.

25) После последней войны они переименованы в институты им. Макса Планка.

гии и его хозяйства. "Учет процесса и направления научной работы" есть не что иное, как государственный контроль, как вмешательство государственной власти в область науки.

Чтобы осуществить планирование научной работы, коммунистическая власть создала бюрократический аппарат, регистрирующий, к какой проблеме отнесена та или иная тема; выясняющий, были ли эти темы уже проработаны в прежние годы, выполнена ли к концу бюджетного года работа по запланированным темам и т.д. Во главе аппарата по планированию научных исследований стоит так называемый плановый отдел Академии наук.

Каждая тема предстоящей научно-исследовательской работы, в отличие от практики других стран, не только не скрывается из боязни, чтобы ее не перехватил другой, а, наоборот, широко обсуждается и даже объявляется для сведения всех заинтересованных лиц. Что касается самой программы работ экспериментального характера, то она приблизительно такова: 1) ознакомление с литературой на русском, украинском и иностранных языках по данной теме; 2) установление методики работы; 3) установление потребности в оборудовании, материале, а также в командировках в другие научно-исследовательские институты с указанием приблизительной стоимости темы; 4) проведение экспериментальной части работы; 5) лабораторная обработка полученных результатов; 6) составление предварительного (технического) отчета по проведенной работе с указанием результатов и выводов; 7) литературное оформление работы и ее опубликование в печати; "внедрение" результатов в промышленность или сельское хозяйство.

В начале бюджетного года каждый научный работник Академии составляет подробный календарный план проработки темы на предстоящий год. План этот утверждается обычно дирекцией научно-исследовательского учреждения и затем периодически (каждый месяц или каждый квартал года) проверяется специально выделяемой комиссией для каждого отдела учреждения. Эти комиссии, утверждаемые так называемым "треугольником института", то-есть партийным комитетом, местным комитетом и дирекцией института, состоят обыкновенно из сотрудников данного учреждения с участием не только научных работников других, по возможности близких по специальности отделов или лабораторий, но и представителей партийной организации учреждения, а также низовой (местной)

профессиональной организации, то-есть местного комитета. Комиссии посещают по истечении данного квартала порученные им лаборатории, опрашивают каждого научного работника, в том числе и руководителя лаборатории или отдела, что им выполнено из запланированной темы, что не выполнено (если не выполнено, то причины невыполнения), какие были препятствия в работе, что перевыполнено; выполнено ли то, что в начале года было обещано сотрудником выполнить сверх плана в порядке "ударного" обязательства и "социалистического соревнования"²⁶⁾ и т.д. Протоколы этих опросов и проверок хранятся в институте и используются дирекцией и партийной организацией института для очередного **квартального отчета** и доклада о ходе научной работы и "социалистического соревнования". В конце года производится окончательная проверка исполнения по всем кварталам (за весь год) и результаты проверки вместе с письменными отчетами заведующих лабораториями или отделами используются дирекцией для общепланового отчета по всем запланированным темам, подаваемого в президиум Академии наук и в ее плановый отдел.

Казалось бы, что все в этой советской организации научной работы обстоит гладко и рационально. Но более близкое знакомство с этой системой вскрывает ряд серьезных дефектов в ней. Вмешательство в дело проработки научно-исследовательских тем со стороны представителей партийной организации, местного комитета и планового отдела академии, мало разбирающихся в узкоспециальных вопросах той или иной науки, имеет последствием тот факт, что ответственный научный руководитель отдела или лаборатории (академик, профессор или старший научный сотрудник) чувствует себя - как это ни странно звучит - менее ответственным за проработку тем руководимых им научных работников. Невольное ослабление ответственности руководителя снижает качество научной продукции, так как из-за вмешательства и опеки партийного комитета и планового отдела внимание и руководителя, и исполнителя научной темы направлено более на внешние обстоятельства, на формально официальную сторону дела, на запланированные сроки, на лояльность по отношению к государственной философии и т.п., чем на глубокую и доброкачественную прора-

26) Об "ударничестве" и "социалистическом соревновании" см. следующую главу.

ботку темы. Бюрократизация научного исследования есть основной порок советского планирования научной работы. В серьезной научной деятельности основным двигателем является известный идеализм исследователя, вера его в свою идею; но подобный здоровый идеализм заглушается планированием, явно или в скрытой форме требующим покорности и восхваления тоталитарной коммунистической власти; эта покорность нередко переходит в унижающее человеческое достоинство угодничество, особенно у лиц, имевших несчастье оказаться в период диктатуры Сталина на высших административных постах (директора институтов, президенты академий и т.п.), о чем будет речь в дальнейшем изложении.

Планирование научной работы по советскому способу является, разумеется, для тоталитарного строя весьма удобным мероприятием, во-первых, потому, что оно значительно облегчает проверку исполнения научных работ, на проведение которых режим не намерен зря отпускать средства. Во-вторых, планирование научной работы облегчает политический контроль над научными работниками и их продукцией, позволяет коммунистической партии и советскому правительству навязывать свою волю десяткам тысяч наиболее квалифицированной интеллигенции страны, заставляя ее служить целям партии и отвлекая ее силы от свободолобивых мыслей и настроений, во всех случаях вредных для режима. В-третьих, планирование научной работы близко сердцу коммунистов и их вождей, так как оно находится в превосходной гармонии со всем тоталитарным строем общества. Чтобы показать, в какие уродливые формы подчас выливается коммунистическое планирование научной работы в ведущих научных учреждениях СССР - академиях наук, остановимся на одном типичном примере.

Центральный Комитет партии и Сталин выдвинули яровизатора-агронома Т.Д. Лысенко на пост академика (действительный член Академии наук СССР, действительный член Украинской Академии наук, действительный член Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина) и верховного руководителя всей научной работой в области сельского хозяйства СССР. Основываясь на своих не вполне еще проверенных опытах, а также на данных русского плодОВОДА И.В. Мичурина, Т.Д. Лысенко высказал ряд научных теорий, находящихся в резкой оппозиции к мировой науке. Коммунистические вожди после многолетнего испытания

признали эти теории полностью, находя их вполне отвечающими "догмам" и "канонам" коммунистической методологии. Т.Д. Лысенко был признан выдающимся новатором науки, его статуя красовалась на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1940 года и фактически он стал диктатором от науки в области биологических и агрономических исследований страны. Его столь нашумевший доклад на сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ) в июле-августе 1948 года был отредактирован и одобрен, по заявлению Т.Д. Лысенко²⁷⁾, ЦК партии или (что равносильно) самим Сталиным и был признан обязательным для всех научных работников в области биологии, сельскохозяйственных наук и медицины. И это несмотря на то, что этот доклад ("О положении в биологической науке"), наряду с некоторыми остроумными мыслями, изобилует необработанными философскими утверждениями, явно привлеченными в угоду казенной доктрине. Все несогласные с мичуринско-лысенковским направлением в биологии и упорно придерживавшиеся теорий классической генетики подверглись со стороны НКВД различным наказаниям и гонениям, начиная от отстранения от ответственных служебных постов и кончая ссылкой в концентрационные лагеря и казнями (погибли, например, Н.И. Давылов, Карпетченко и др.). Независимо от того, прав или неправ Т.Д. Лысенко в чисто научных вопросах, имя его скомпрометировано его личной связью со Сталиным, сделавшим его проводником насилия и диктаторства в науке. Чувство свободы выхолащено в сознании коммунистических вождей, и последнее издание Большой Советской Энциклопедии пестрит восхвалениями "единственно прогрессивного и перспективного" мичуринско-лысенковского направления в биологии, сопровождаемыми резким осуждением "буржуазного" и "реакционного" направления - менделизма-вейсманизма-морганизма. Подобное осуждение одного и восхваление другого направления в науке отнюдь не имеет в СССР характера некоего пожелания или простой информации, но является обязательным руководством к действию и прежде всего руководящим принципом при планировании научной работы Академии наук СССР. После "развенчания" Сталина Т.Д. Лысенко, выдвигенец и любимец последнего, вынужден был оставить свой высокий пост президента ВАСХНИЛ, но он остается

27) Акад. Лысенко. Агробиология. Работы по вопросам генетики, селекции и семеноводства, Госиздат с.-х. лит., М., 1952, стр. 572.

попрежнему действительным членом трех академий, упомянутых выше. Следует отметить, что раздавались и раздаются голоса, показавшие, что методологическая оценка мичуринизма и морганизма, даваемая Т.Д. Лысенко, его сотрудниками и коммунистической партией, неверна с философской точки зрения. Более глубокий анализ показывает, что вейсманизм-морганизм есть не идеалистическое направление в биологии, как это с апломбом утверждает Лысенко, а типичное механистически-материалистическое учение. С другой стороны, мичуринизм-лысенкизм, ведущий упорную борьбу с явно материалистической хромосомной теорией наследственности (почему-то объявленной Лысенко, Презентом, Митиным и партией идеалистической теорией), тем самым широко открывает двери для витализма и идеализма в области биологии²⁸⁾. В настоящее время трудно сказать, сознают ли казенные философы и партийные ученые каково создавшееся положение в биологии, но несомненно, что рано или поздно оно будет осознано, независимо от того, хотят или не хотят этого партийные вожди. Логика мстит за себя, мстит за насилие над человеческим мышлением, ибо мышление по своей природе свободно. Таким образом, для Центрального Комитета коммунистической партии и для президиума Академии наук СССР, покорно выполняющего директивы первого, получился несомненный конфуз, как результат грубого вмешательства политической партии в непринадлежащую ей сферу духовной жизни, незаконного дирижерства в этой сфере, государственного тоталитарного планирования всей научной работы страны.

Говоря о порочности тотального планирования научной деятельности в СССР, мы отнюдь не собираемся умалять значение работ большинства советских ученых, против их воли втянутых в орбиту опустошающей душу бюрократической атмосферы научно-исследовательских институтов Академии наук. Многие работы представляют большую, порой весьма большую ценность, что объясняется тем обстоятельством, что их авторы сумели найти в себе силы, благодаря собственной глубокой философии, тщательно ими скрываемой,

28) Более подробно этот вопрос изложен в заключительной главе книги: E. S a n k e w i t s h . Die Arbeitsmethoden der Mischurinschen Pflanzenzüchtung. Eine kritische Darstellung der Methoden und Anschauungen von I. W. Mischurin und T. D. Lyssenko. Verlag Eugen Ulmer, Stuttgart, 1950, S. 138-146.

подняться над повседневной, все нивеллирующей пошлостью советских учреждений с присущими им бесконечными заседаниями местных комитетов, марксо-ленинских семинаров, политических митингов и т.п. О таких ученых можно сказать, что даже в тяжелых условиях духовного гнета они сумели сконцентрировать свои жизненные силы на плодотворной научной деятельности. Из многих примеров приведем только один. Академик К.И. Скрябин, первоклассный ученый с мировым именем, специалист в области **паразитологии**, развил в советских условиях энергичную научную деятельность; он и его сотрудники являются учеными в лучшем смысле слова, несмотря на рогатки, ставимые режимом. Правда, успеху школы Скрябина много способствует самый характер такой науки, как паразитология, счастливо совмещающей в себе как чисто практическую, так и теоретическую стороны. Это - область, которую, вследствие ее практической важности, щадит казенное мировоззрение, столь опустошающим образом и диктаторски проявляющее себя в других сферах знания.

Резюмируя сообщенное в этой главе, мы можем сказать, что научно-исследовательские институты Академии наук превращены советским правительством и коммунистической партией в казенные бездушные учреждения, в которых науку заставляют быть служанкой политики. Научные работники в них находятся в "жесточком корсете обязательной марксо-ленинской методологии". О них можно сказать то же, что сказал проф. А.П. Филипов о всех научных работниках СССР, а именно следующее²⁹⁾:

"Коммунистическая партия и правительство, в руках у которых все средства и все возможности существования, просто заказывают ученым, писателям и философам создать определенное произведение совершенно так же, как во всем мире заказывают сапожнику определенные сапоги. И эти ученые, писатели и философы, совершенно независимо от своего личного убеждения, для того только, чтобы получить разные житейские блага, выполняют полученный заказ".

Советское тоталитарное бюрократическое планирование науки - путь к деградированию науки в простое ремесло и к развращению научных работников.

29) Проф. А.П. Ф и л и п о в . Свобода и творчество в области советской науки и философии. Материалы конференции научных работников (эмигрантов), изд. Института по изучению истории и культуры СССР, Мюнхен, 1951, вып. 1, стр. 17.

5. Новый дух в жизни Академии

Одновременно с огромным внешним ростом реорганизованная Академия Наук приобрела много новых, чисто советских качеств, которые по плану советского правительства имели целью еще более круто "повернуть" научную деятельность на служение режиму. Эти новые "качества", которые Академия приобрела в результате диктаторской деятельности партийной организации Академии наук, состояли в следующем. Путем произведенной проверки (на советском языке - "чистки") аппарата Академии и удаления нежелательных с советской точки зрения сотрудников и служащих, Академия приобрела новое "качество": лояльность служебного персонала. Далее в состав академиков были влиты новые, выдвинутые "советской общественностью" действительные члены; многие из них были членами коммунистической партии. Также и состав служащих Академии был усилен последними. Была оживлена деятельность низовой профессиональной организации - местного комитета, в который были привлечены не только технические, как это было прежде, но и научные работники. Были организованы ячейки "Общества воинствующих диалектиков-материалистов" и "Общества воинствующих безбожников". В деятельности этих специфически коммунистических "обществ" начали принимать участие представители академического персонала от аспирантов до академиков. Эти "общества" должны были по замыслу советской власти "переворужить" работников Академии наук и "внедрить" в их головы новое "большевистское мировоззрение". В Академии и за ее пределами была оживлена научно-популярная работа (лекции, доклады и т.п.). По примеру фабрик и заводов, местные комитеты отдельных институтов Академии, под непосредственным руководством партийных ячеек, стали издавать отенные газеты, написанные на пишущей машинке. Эти газеты, обыкновенно вывешивавшиеся на видном месте в помещении учреждения, с 1930 года призывали к "социалистической реконструкции" Академии наук и разоблачали работников Академии, заподозренных на основании выступлений, статей или книг в идеализме в недостаточном овладении диалектическим материализмом или в иных преступлениях против марксизма-ленинизма, тормозящих дело "социалистической реконструкции". Было введено так называемое

социалистическое соревнование между отдельными сотрудниками, лабораториями и институтами Академии. Аналогичное соревнование проводилось в более крупном масштабе также с Украинской и Белорусской Академиями наук. Об этих нововведениях следует сказать подробнее.

Если партийная организация Академии наук СССР в 1928 году насчитывала всего двух научных работников-членов коммунистической партии, то в 1934-35 гг. она состояла уже только в Москве из 163 коммунистов (среди них 13 кандидатов партии), а в Ленинграде - из 132 членов и кандидатов партии. При этом в партии состояли в этот период 18 академиков и около 50 научных работников - специалистов. Вот имена академиков-коммунистов к концу 1934 года: В.В. Адоратский, Н.И. Бухарин, В.Р. Вильямс, В.П. Волгин, И.М. Губкин, А.М. Деборин, С.А. Зернов, Б.А. Келлер, Г.И. Кржижановский, Н.М. Лукин, А.В. Луначарский, Н.Я. Марр, В.В. Осинский, Л.В. Писаржевский, А.А. Рихтер, М.А. Савельев, С.Г. Струмилин, Н.М. Тулайков³⁰⁾. Во главе партийной организации Академии стоял в то время никому неизвестный А.Ф. Кошелев, который был фактически высшим начальством высшего научного учреждения страны.

Уже к началу 1935 года партийная организация Академии провела столь "значительную работу", что совершившимся фактом стал "поворот основных кадров научных работников к идеологии марксизма-ленинизма". Но несомненно и то, что многие научные работники не приняли внутренне этой идеологии и, надевая маску лояльности, оставались в собственном мире идей. Это была группа пассивно сопротивлявшихся "советизации". Другие ученые, не принявшие советской практики и философии и открыто боровшиеся против нового духа в Академии, поплатились жизнью либо ссылкой в Сибирь и другие места: В.А. Бенешевич, В.А. Буфенко, М.Д. Приселков, А.В. Бородин, С.В. Рождественский, Д.Н. Егоров, С.Ф. Платонов и др.³¹⁾. Разгром, произведенный над научными учреждениями, стал

30) Эти данные взяты из сборника "Академия наук СССР VII-му Всесоюзному съезду советов", Издательство Академии наук, Москва-Ленинград, 1935, стр. 207-208.

31) С. Б е л о м о р ц е в . Большевизация Академии наук. "Посев", № 10. Франкфурт-Майн, 1951, № 46. Е г о ж е . Жертвы "дела" Академии наук СССР. "Воля", Мюнхен, 1952, № 10.

открывать глаза умнейшим из вождей партии, понявшим, что "советизация" Академии ведет в тупик. Результатом этого понимания положения был поворот к "старым специалистам" в конце тридцатых годов, когда людей возвращали из ссылки, восстанавливали в правах и поручали им руководящие посты в Академии (академики Богоявленский, Тарле, Бахрушин, Готье, Пичета и др.³²⁾). Но возвращая этих людей, советские диктаторы не могли уже вернуть Академии ее прежнего значения.

Не как достижение, а как духовный опиум для интеллигенции, парализующий свободную мысль и свободное исследование, следует расценивать так называемую методологическую работу, навязанную Академии коммунистической партией. Организация методологических семинаров началась с 1930 года; в них велась "работа" по систематическому изучению марксизма-ленинизма "в связи с проблемами естествознания и обществоведения". В 1933 году в Академии функционировало 17 семинаров такого рода, на которых проходили систематическое обучение до 270 научных работников³³⁾. Коммунистические лидеры признают, что уже в 1934-35 гг. "идеологический поворот научных работников Академии являлся ярким выражением общего их поворота к задачам социалистического строительства". Этому повороту немало способствовали так называемые проверки или "чистки" персонала Академии.

Первая "чистка" аппарата Академии была проведена в 1929 году. В это высшее учебное учреждение страны была направлена правительственная комиссия, которая при участии и с помощью советской "общественности" (таким представителем общественности был, между прочим, академик В.Л. Комаров) пересмотрела личный состав всех академических учреждений. Правительственную комиссию возглавлял некий Фигатнер, который в первых числах сентября 1929 года в докладе своему начальству сообщил следующее³⁴⁾.

"Я видел много засоренных аппаратов, но такого, как в Академии наук, никогда. Мы проверили 269 человек. Проверку остальных пришлось отложить до второй половины октября, так как около 400 человек находятся в командировках и отпусках или участвуют в экспедициях. 78 человек мы сняли с работы единогласным решением комиссии, из них 26 человек по первой категории".

32) Академия наук СССР VII Всесоюзному съезду советов, стр. 208.

33) Там же.

34) "Известия", № 203, 4.IX.1929, стр. 3.

"Снятие с работы по первой категории" означает, что "вычищенные" лица не имеют более права служить ни в каком советском учреждении. Так как в СССР служить возможно только в советских (государственных) учреждениях - все частные учреждения и предприятия там полностью упразднены, - то такое снятие с работы равносильно выдаче "волчьего билета" и голодной смерти. В числе упомянутых только что 26 человек, снятых с работы по первой категории, значились такие лица: А.С. Путилов, бывший вице-директор департамента, в Академии состоял заведующим архивом; М.М. Суходольский; бывший губернатор А.Ф. Шидловский; С.Ф. Царевский, якобы совмещавший церковную службу диакона с работой ученого хранителя Зоологического музея; Ордин, бывший гофмейстер и помощник заведующего личной канцелярией императрицы; Шимкевич, бывший директор департамента, в Академии работал в Якутской комиссии; Ю.М. Рышков, делопроизводитель секретариата, и другие лица³⁵⁾.

Комиссия, производившая "чистку", по своему составу была, как уверял ее председатель Фигатнер, вполне авторитетной: кроме представителей так называемой Рабоче-крестьянской инспекции, в комиссию были мобилизованы представители научного мира, рабочих ленинградских фабрик и заводов и советской "общественности". Комиссия подчинялась непосредственно Центральной правительственной комиссии по чистке советского аппарата, во главе которой стоял известный чекист Петерс. Не трудно представить себе, что представители научного мира, мобилизованные в комиссию по чистке Академии, как, например, академики Комаров, Ольденбург и Ферсман, "работая" в комиссии, чувствовали себя в атмосфере принуждения и террора и без возражений подписывали любой протокол, составленный под руководством Фигатнера. Поэтому понятно, что последний мог с удовлетворением сказать³⁶⁾: "Я считаю нужным указать, что все протоколы комиссии по проверке аппарата Академии наук подписаны всеми ее членами, в том числе академиками Ольденбургом, Ферсманом и Комаровым".

35) "Известия", № 196, 27.VIII.1929, стр. 3.

36) "Известия", № 203, 4.IX.1929, стр. 3.

Путем "чистки" личного состава, представляющей один из способов устрашения, время от времени практикующих диктатурой, Академия, как уже отмечено, приобрела новое качество: лояльность **служебного персонала**. Но одной лояльности недостаточно, необходимо еще перевоспитать этот персонал в определенном советском духе. Перевоспитание достигается, прежде всего, участием научных работников в "общественной работе", которую "добровольно" выполняют сотрудники советского учреждения в местном комитете.

Местный комитет есть первичная организация профессионального союза в учреждении, например, в институте, библиотеке Академии и т.п., он соответствует фабричному или заводскому комитету на предприятии. Местный комитет избирается в учреждении, где работает не менее 25 членов профессионального союза; если в учреждении меньше 25 членов, то там избирается "профсоюзный организатор". Задачи местного комитета: ведение культурно-просветительной работы (доклады, лекции, проработка "Краткого курса истории коммунистической партии" и т.п.), воспитание сотрудников в духе социализма, контроль над выполнением хозяйственными органами данного учреждения законов об охране труда. Далее, местный комитет направляет в санатории и дома отдыха или курорты (последнее возможно лишь в единичных случаях), в детские сады и детские ясли. Кроме того, важной обязанностью местного комитета является организация так называемого социалистического соревнования между сотрудниками с целью повысить "сознательную трудовую дисциплину" и достигнуть "перевыполнения" обычной повседневной работы.

Казалось бы, что общественная работа в местном комитете, избранном самими сотрудниками и поставившем перед собой только что перечисленные задачи, значительная часть которых носит почти **филантропический характер**, должна бы доставлять работающим в нем лицам известное нравственное удовлетворение. В действительности же работа в местном комитете является для большинства сотрудников учреждения тяжелой обязанностью и бременем. Если сотрудник не принимает от местного комитета предложенной ему "общественной нагрузки", то тем самым он рискует быть заподозренным в антисоветских настроениях, а это может окончиться для него печально. Работающий в местном комитете чувствует ложность своего

положения и своей "работы", так как он знает, что профессиональные союзы в СССР - государственные и коммунистические учреждения. Для него ясно, что защита местным комитетом или профессиональным союзом интересов трудящихся есть фикция, потому что дело обстоит так, что один государственный орган "защищает" подсоветского человека от несправедливостей, чинимых другим государственным органом. Впрочем, местные комитеты и профессиональные союзы нередко вполне откровенно действуют против интересов "трудящихся", подтягивая последних с целью извлечь из них как можно больше пользы для учреждения и государства (для этого и изобретен такой способ эксплуатации, как "ударничество" и "социалистическое соревнование"). Работа в местном комитете является для весьма многих одиозной еще и по той причине, что эта первичная профессиональная организация всецело проникнута большевистским духом. "Работа" отнимает у научного работника не мало ценного времени сверх служебных часов и, разумеется, никем не оплачивается. Местный комитет подчинен своему профессиональному союзу, но в своей повседневной работе действует в полном контакте с партийным комитетом. Так, например, руководство так называемыми стенными газетами принадлежит фактически обоим, хотя существует официальная редакционная коллегия. В "стенных газетах" обычно "мобилизуется сознание масс" на очередные советские кампании, хвалят одних сотрудников за какой-либо достойный подражания поступок в коммунистическом духе, порицают и дискриминируют в грубой форме других и даже - по собственной или инициативе, или по директивам партийного комитета и ГПУ-НКВД - развивают травлю того или иного сотрудника из числа "неудобных элементов". Последняя обыкновенно кончается для намеченной жертвы весьма трагически. Пишущий эти строки лично знал одного молодого талантливого научного сотрудника Академии наук из Института востоковедения, руководимого академиком В.М. Алексеевым. Будучи специалистом по монгольским языкам, этот сотрудник получил научную командировку в Японию. По возвращении он успешно защитил докторскую диссертацию; однако вскоре после защиты недоброжелатели и лица, инспирированные партийным комитетом и НКВД, стали помещать против него резкие статьи в стенной газете. Статьи приняли форму травли: диссертация якобы проникнута идеализмом, носит антимарксистский характер, автор

диссертации - классовый враг и японский шпион (что было совершенной ложью). Этот молодой специалист был затем арестован, как неисправимый идеалист по своим убеждениям, и расстрелян в подвалах НКВД. Число аналогичных примеров можно было бы умножить до многих сотен и тысяч.

Советизации Академии наук немало способствовало так называемое "социалистическое соревнование". Последнее обыкновенно противопоставляется советской властью конкуренции в капиталистических странах. Сталин определял социалистическое соревнование как "коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся". Оно является "орудием борьбы за выполнение и перевыполнение составленных на данный отрезок времени планов работы". Фактически "социалистическое соревнование" есть не что иное, как новый, самый бессовестный и циничный способ эксплуатации служащих, рабочих и крестьян в интересах режима. В научных учреждениях Академии научный работник обыкновенно "добровольно" объявляет себя "ударником" (ударник - член профессионального союза, объявляющий себя участником в социалистическом соревновании) и подписывает по требованию "треугольника"³⁷⁾ письменное обязательство о том, что помимо запланированной им работы по специальности и по профессиональной линии, он в текущем году выполнит еще дополнительно, сверх плана, такую-то научную экспериментальную или литературную задачу, обязуется прочитать на фабрике, заводе или в колхозах такие-то доклады и лекции; кроме текущей и запланированной уже общественной работы, в местном комитете он будет еще делать то-то и то-то, например, примет активное участие в ликвидации безграмотности среди населения и т.п.

Повседневная работа по специальности, "общественные" нагрузки и "работа" по социалистическому соревнованию должны увенчаться у деятеля науки и у простого научного сотрудника Академии наук посещением семинара по изучению диалектического и исторического материализма или так называемого марксо-ленинского университета. Помимо систематического посещения семинара один или два раза в неделю, изучающие обязаны вне семинара прорабатывать соответствующую литературу, состоящую прежде всего из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, и затем выступать с докладами на ту

37) Дирекция, партийный комитет и местный комитет именуется "треугольником".

или иную тему. Занятия по диамату продолжаются долгое время; так, курс марксо-ленинского университета рассчитан на два года.

Занятия по изучению марксизма-ленинизма являются для многих научных работников тяжелым бременем, особенно для лиц с собственным логическим мышлением и мировоззрением. Та картина мира и жизни, которую преподносят своим слушателям преподаватели диалектического материализма, является вульгарным искажением действительности в интересах правящей политической партии. На таких занятиях (а они обязательны) терпение научных работников закаляется в процессе смиренного выслушивания адептов дилетантской философии, которую принимают всерьез лишь немногие слушатели; для последних философия эта является поистине опиумом, отравляющим их мысль и души.

Непопулярными являются также и общие собрания коллектива данного академического института, созываемые время от времени партийным или местным комитетом по случаю тех или иных событий в жизни советского государства, каковы, например, всесоюзные партийные съезды, очередные или чрезвычайные съезды советов, "шесть исторических указаний товарища Сталина"; новые декреты правительства, очередной государственный заем, годовщина октябрьской революции, годовщина смерти Ленина и т.д. По поводу таких событий партийный руководитель института, представитель местного комитета или приглашенный со стороны докладчик произносит длинную, иногда двухчасовую речь перед скучающим общим собранием. Нередко бывает так, что подобный доклад политического характера поручают кому-либо из беспартийных сотрудников. Такой доклад ни в коем случае не может быть свободным изложением собственных мыслей, он должен представлять собой набор рутинных фраз, выражений и лозунгов и должен быть прочитан с соответствующей убежденностью. До смерти Сталина доклад обыкновенно заканчивался восхвалениями "гения человечества" и руководимой им "великой и славной коммунистической партии - организатора побед на всех фронтах социалистического строительства". Иногда случается так, что докладчик - по невнимательности или по неведению - скажет что-либо не так, как это требуется официальной линией. После такого неудачного выступления нередко даже чисто научная деятельность докладчика берется под сомнение. Такое лицо попадает в черные списки НКВД, и за ним внимательно следят тайные агенты этого "меча революции".

Положение беспартийных ученых, занимающих высокие административные посты (директора институтов, президенты академий), обязывает при советском режиме к еще более тяжелым действиям, требующим сделки с собственными убеждениями и совестью. К таким деятелям науки коммунистические власти сплошь и рядом предъявляют требование дать свою подпись под какой-нибудь политической резолюцией, отражающей, например, чуждую истинной науке партийную борьбу. В январе 1937 года видным руководителям ряда институтов Академии наук и других научных учреждений СССР было предложено подписать резолюцию о троцкистах. В ней стояли следующие строки³⁸⁾: "Мы, научные работники СССР, с чувством возмущения и великого гнева узнали о чудовищных преступлениях презренных троцкистов... Мы требуем от нашего советского суда беспощадной расправы с подлыми предателями! Мы требуем уничтожения презренных выродков!..." Под резолюцией, немедленно опубликованной во всей советской печати, среди прочих значатся также и имена таких беспартийных деятелей науки, как президент Академии наук СССР академик В.Л. Комаров и президент Академии сельскохозяйственных наук академик Н.И. Вавилов (в 1941 году погиб в НКВД по обвинению в шпионаже).

Чем ответственнее пост, занимаемый научным деятелем, тем чаще его имя используется коммунистами для пропагандных целей. За такими деятелями зорко следят "глаза и уши государства". Чтобы "застраховать" себя от возможной опалы (этим лицам хорошо известен сталинский лозунг: "расправляться, не взирая на лица") и тем самым обеспечить себе дальнейшую спокойную научную деятельность, эти ученые обыкновенно надевают на себя маску лояльности. Но это скользкий путь для ученого, занимающего высокий пост: стараясь не выходить из рамок лояльности, он незаметно для себя самого приходит к угодничеству. В 1945 году президент Академии наук СССР опубликовал статью "Волнующая беседа". Вот что он писал³⁹⁾:

38) "Фронт науки и техники", 1937, № 1, стр. 20.

39) В.Л. Комаров. Волнующая беседа. Вестник Академии наук СССР, 1945, № 1-2, стр. 6.

"Недавно мне выпало на долю большое счастье. Я беседовал с Иосифом Виссарионовичем Сталиным и получил от него руководящие указания относительно работы Академии СССР. Настоятельная внутренняя потребность заставляет меня не только поделиться своими соображениями о порядке выполнения этих Сталинских указаний, но и в какой-то мере высказать глубокое чувство, которое овладевает каждым при личном общении с величайшим человеком эпохи. Конечно, это чувство можно только в небольшой степени выразить словами... Эта беседа была для меня самым крупным и самым радостным событием в моей жизни, и нечего говорить, что я слушал товарища Сталина так внимательно, как никогда не слушал никого, но в то же время я не переставал думать об исключительной гениальности нашего вождя и учителя. В напряженный момент величайшей войны, которую когда-либо вело человечество, руководитель государства говорит о науке, вызывает к жизни новые отрасли знания, выдвигает новые научно-технические проекты. Постепенно в мое сознание входило и другое - представление о монолитном единстве многообразных интересов и трудов товарища Сталина. Едины суть Сталин-корифей науки, Сталин - гениальный организатор и Сталин - величайший полководец".

Несколькими страницами ниже академик Комаров продолжает⁴⁰⁾:

"Корифей науки, блестяще развивший великое марксистско-ленинское учение, которое впитало в себя все, что было наиболее прогрессивного в философии, естествознании и социальных науках всех веков и народов, - товарищ Сталин стал спасителем мировой цивилизации".

Эти необычайные восхваления и крайняя идеализация диктатора показывают, насколько успешно проходила советизация Академии наук СССР и в послевоенный период. Они показывают, с другой стороны, насколько низко упал идейный уровень Академии по сравнению с ее славным прошлым. Руководящий ученый, дававший тон всей Академии, никогда в жизни, по его словам, не переживал ничего более "крупного" и "радостного", чем эта беседа со Сталиным. Дифирамбы Сталину, "блестяще развившему великое марксистско-ленинское учение", и Сталину - "спасителю мировой цивилизации" звучат уже как лицемерие. Для "советизированной" Академии наук стало, к сожалению, совершенно невозможным открыто встать на платформу, на которой стоял, например, философ Н.А. Бердяев, давший иную оценку марксизма-ленинизма, чем вынужденная и фальшивая оценка академика В.Л. Комарова. Н.А. Бер-

40) Там же, стр. 10.

дзев писал следующее⁴¹⁾:

"В русской революции разрыв между высшим культурным слоем и низшим интеллигентским и народным слоем был несоизмеримо больший, чем во французской революции. Деятели французской революции вдохновлялись идеями Ж.Ж. Руссо и философии XVIII века, были на высоте передовой мысли того времени (это независимо от ее оценки по существу). Деятели русской революции вдохновлялись идеями уже устаревшего русского нигилизма и материализма и были совершенно равнодушны к проблемам творческой мысли своего времени. Их не интересовал Достоевский, Л.Толстой, Вл.Соловьев, Н.Федоров и мыслители начала XX века, их удовлетворяло мирозерцание Гельвеция и Гольбаха, Чернышевского и Писарева; по культуре своей они не подымались выше Плеханова. Ленин философски и культурно был реакционер, человек страшно отсталый, он не был даже на высоте диалектики Маркса, прошедшего через германский идеализм. Это оказалось роковым для характера русской революции: революция совершила настоящий погром русской культуры. Интеллигенция совершила акт самоубийства".

Коммунистическая власть осуществила в Академии наук СССР требование Ленина о партийности в науке и философии. Требование Ленина означает подчинение научной и культурной жизни политике коммунистической партии, включение науки в советский государственный аппарат. Но подобная научная жизнь должна принять несвободный, служебный характер. Как уже неоднократно было отмечено выше, партийность в науке требует прежде всего проникновения научных исследований марксо-ленинской методологией (историческим и диалектическим материализмом). Для тоталитарной советской системы диалектико-материалистическое мировоззрение является своего рода гегемоном в научной и философской сфере. Отдельные науки суть лишь средство для подтверждения уже найденной Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным "истины", заключающейся в диалектическом материализме. А это на деле означает отказ от искания новых путей в науке и философии, не вмещающихся в прокрустовом ложе этой предвзятой доктрины, означает запрет такого искания. Вместо исканий действительно нового фактически дана к неукоснительному выполнению директива - **подво-
д**ить все старые и новые положения науки под пресловутые "законы" диалектического материализма. Такая "реконструкция" науки создала в среде научных работников столь же тяжелое положение,

41) Н. Б е р д я е в . Самопознание. Париж, издание УМСА, 1949, стр. 161.

как и в среде работников искусства, творчество которых тоже находится под неусыпным контролем и опекой государственной власти. В качестве примера возьмем учение о языке академика Н.Я. Марра. Работы Марра и его школы широко известны. Однако Сталин - в результате языковедческой дискуссии 1950 года - опубликовал "труд" "Марксизм и вопросы языкознания", в котором он оценил все учение Н.Я. Марра как научно-несостоятельное, так как оно не представляет собой марксистской теории. "Н.Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма"⁴²⁾... Подобные примеры можно было бы привести и из других областей знания.

Коммунисты облачают часто свои утверждения в области идеологии в наукообразную одежду, выдавая их за величайшие достижения и за последнее слово человеческого разума. При этом самоуверенность и нетерпимость к инакомыслящим, столь характерные для коммунистических выступлений, нередко действуют на неискушенных в философском мышлении людей подобно гипнотическому внушению. В качестве образца таких выступлений можно взять любую статью коммунистических публицистов; вот что писал, например, профессор-коммунист С.Вольфсон⁴³⁾:

"В СССР впервые в истории революционный материализм, марксизм, из гонимого еретического учения превратился в господствующее мировоззрение, его научный метод стал идеологическим вооружением класса-диктатора. Диалектический материализм у нас выступает как воинствующая методология, то-есть как претендующая на свою значимость во всех отраслях знания, как всеобщая методология наук. У нас, наконец, - и это имеет исключительную важность - диалектический материализм выступает как руководство к действию".

Высказанные в этой цитате положения сохраняют силу в СССР до настоящего времени, несмотря на кампанию по развенчанию Сталина. Следует заметить, что выражение "руководство к действию" в устах коммуниста означает насильственное "внедрение" марксизма-ленинизма в головы подсоветской интеллигенции.

42) И. С т а л и н . Марксизм и вопросы языкознания, 1952, стр. 33.

43) С . В о л ь ф с о н . Наука и борьба классов. "ВАРНИТСО", Москва, 1930, № 2, стр. 34.

И странным представляется мнение некоторых научных работников из новых эмигрантов, утверждающих, что в научной жизни СССР диалектический материализм не играет никакой роли. Так, например, К.Г. Криптон и В.Лагодин, возражая профессору А.П. Филипову на мюнхенской конференции Института по изучению СССР в 1951 году, утверждали, что неверен тезис последнего о том, что советская истина есть диалектический материализм; по их мнению, метод советской науки "что угодно, но не диалектический материализм". На наш взгляд, такие утверждения являются плодом недоразумения. Ведь если чаще всего дело обстоит так, что та или иная научная работа в СССР может быть и не проникнутой методологией марксизма-ленинизма, то это отнюдь не значит, что она может быть антиматериалистической. Опубликованная или доложенная на научной конференции научная работа ни в коем случае не может и не должна противоречить материализму. В последнее время в печатаемых работах Академии наук авторы, высказывая какую-либо новую гипотезу или теорию, считают почему-то необходимым и особо важным подчеркивать, что последние являются материалистическими. И это верно. Авторы это подчеркивают, так как от них требуется материализм. А это и есть как раз контроль, цензура и гегемония диамата⁴⁴⁾. Попытался бы какой-либо научный работник в СССР сказать, хотя бы вскользь, на каком-либо научном или философском заседании или в научной статье, что в основе вещей лежит не инертная материя, а духовное начало: организационные выводы последовали бы немедленно. Почему? Да по той простой причине, что такое мнение находится в резком противоречии со священной для большевизма материалистической псевдорелигией. И не просто псевдорелигией материализма, но псевдорелигией материализма диалектического в интерпретации Маркса-Ленина-Сталина. А.П. Филипов в двух словах убедительно опровергнул суждение своих оппонентов⁴⁵⁾. Сказанному не противоречит тот факт, что основатель биогеохимии академик В.И. Вернадский еще не так давно (перед последней войной) в своих научных работах, изданных Академией наук СССР, откровенно писал, что он стоит на платформе идеализма. Как редкое исключение, советская власть иногда позволяет особо заслуженным старым деятелям науки

44) Диамат - сокращенное принятое в СССР наименование диалектического материализма.

45) Материалы конференции научных работников эмигрантов. Мюнхен 1951, вып. 1, стр. 40, 50 и 64-65.

свободно высказываться. Ведь и академику Павлову позволяли и прощали многое. И это для большевизма безопасно: молодежи будет объяснено, что старым ученым трудно "преодолеть в сознании пережитки капитализма".

"Канон" коммунизма о партийности науки означает далее, что наука и Академия наук должны служить советскому государству и всем его мероприятиям. Если Центральный Комитет партии и правительство находят, что в "буржуазных" государствах предвидится экономический кризис, то наука должна проявить свою партийность, подведя "научную базу" под тезис Центрального Комитета. Если диктатура считает, что на данном этапе надо дискредитировать западные демократии, их экономику и политику, их социальный строй, их науку, искусство и философию, то советская наука не смеет оставаться нейтральной и беспартийной; она обязана проявить тут свою марксо-ленинско-сталинскую партийность: доказать, что западная или "буржуазная" наука поражена разложением и т.п. Советские вожди считают своим неотъемлемым правом вмешиваться буквально во все сферы и закоулки в жизни народа, в том числе и в область специальных научных проблем.

Новый советский дух в Академии наук выразился также в приеме устрашения личного состава этого учреждения. Цель устрашения: повысить дисциплину учреждения, поднять престиж и авторитет советской власти. Устрашение достигается ставшей уже стандартной операцией: поздно ночью, когда население города погружено в глубокий сон, на квартиру научного работника, долгие годы честно работавшего в данном институте и ни в чем противосоветском не замеченного, являются чекисты в сопровождении охранников с винтовками, производят весьма тщательный обыск, арестовывают и уводят сотрудника. В двадцатых годах арестованные иногда отпускались из-под ареста немедленно или через некоторое сравнительно короткое время. Ареста, как запугивающего средства, не избежал даже известный физиолог академик И.П. Павлов. Об этом аресте физиолог Г.Бренев рассказывает, что во время допроса Павлов "в упор" чекистам улыбнулся, потребовал бланк ГПУ, взял перо и написал на бланке: "Опыт, произведенный над Россией, с точки зрения современной науки обречен на полную неудачу" и подписал: "академик Иван Павлов⁴⁶⁾". Этот инцидент

46) Там же, стр. 44-45.

мог кончиться благополучно только для Павлова. Да и цель ареста была - запугать и смирить обычно резкого и прямого Павлова, чтобы сделать его более сговорчивым для использования его в своих целях. Возможно, что уже в то время советское правительство серьезно интересовалось учением Павлова об условных рефлексах, применение которого в практике ГПУ казалось многообещающим.

Учение академика И.П. Павлова о рефлексах представляет известную ценность при изучении душевной жизни животных и низших проявлений психики человека. Эта часть исследований Павлова была им разработана еще до революции 1917 г. В советский период Павлов не удовлетворился изучением низших ступеней душевной жизни и поставил перед собой смелую задачу: объяснить высшую психическую деятельность человека, исходя из рефлекторной функции головного мозга. Это направление работ Павлова привлекло особое внимание коммунистического правительства, усмотревшего в научных работах этого рода недостававшее марксизму-ленинизму "строго научное, материалистическое объяснение психических явлений". Значение работ Павлова (и его идейного предшественника физиолога И.М. Сеченова) сильно преувеличено советской пропагандой. Для работ Павлова был построен специальный институт в селе Колтуши (в окрестностях Ленинграда) с богатым научным оборудованием. С нашей точки зрения, научная деятельность Павлова и его учеников в области изучения "высшей психической деятельности человека" вовсе не заслуживает той высокой оценки, которая исходит из советских источников. Если особую заслугу Сеченова-Павлова усматривать в сведении мышления, чувствования и воли к механике слепых рефлексов, то от такого материалистического, столь излюбленного советской пропагандой, но вовсе не научного объяснения получается следующее: душевно-духовная природа человека - это некий механизм, слепо, подобно лакмусовой бумажке, реагирующий на внешние (или внутренние) раздражения, совокупность которых и есть высшая психическая деятельность. Выводы: 1) свободы воли нет; 2) человек с его психикой есть игрушка в руках железных законов рефлексологического порядка; 3) человек не может отвечать за свои поступки; не отвечает за свои поступки (преступления) и преступник, так как эти поступки суть не что иное, как слепые, механически и неизбежно действующие

рефлексы, свойственные его индивидуальному мозгу. Дальнейшим выводом из учения Павлова должно быть следующее: юриспруденция не нужна, так как преступник не виновен в своих преступлениях; поскольку же его "рефлексы" вредны для общества, то его надобно попросту ликвидировать без всяких судебных формальностей. Так, повидимому, преломлялось учение Павлова в сознании Сталина и Вышинского, сделавших из этого учения практические выводы. Коммунистические источники до небес превозносят "материалистические, великие учения гениальных ученых И. Сеченова и И. Павлова", но надо полагать, что будущее будет более объективным - и хотя бы частично "развенчает" их. Рефлексологическое учение справедливо, пожалуй, в тех случаях, когда высшая духовная деятельность человека подавлена теми или иными воздействиями. Например, можно запретить человеку спать, сидеть и лежать в течение нескольких дней; можно подавить его высшую психическую деятельность грубым обращением, террором и побоями; можно вводить в его организм определенные фармацевтические препараты. В результате подобной обработки рефлексы начинают действовать автоматически и безошибочно - и арестованный субъект (седалище рефлексов) наговаривает на себя то, чего требует от него следователь (источник раздражений). Рефлексология Павлова, если она, не ограничиваясь низшей, чисто животной сферой душевной природы человека, посягает на его высшую духовную сущность, должна быть разоблачена, а не возвеличена. Возможно возражение, что академик Павлов, посвятивший всю свою жизнь рефлексологии, не мог быть материалистом, так как он был религиозным человеком, посещал церковь и т.д. Но Павлов принадлежал к тому типу людей, в душе которых как бы два сознания, между которыми не замечается связи: одно сознание влечет Павлова к религии отцов, другое - развивает рефлексологическую доктрину, претендуя объяснить этим путем высшую душевно-духовную деятельность человека. Обе эти сферы у него не были приведены к гармоническому единству.

В течение тридцатых годов и позже аресты научных сотрудников носили почти во всех случаях весьма серьезный характер: аресты эти означали в сущности гибель арестованных. Для учреждения арестованный научный работник "исчезал" навсегда. "Исчезал" он также и для своей семьи, которая оставалась в полном неведе-

нии, где находится или куда отправлен глава или член семьи. В научно-исследовательском институте, где работал пишущий эти строки, в короткий период между 1938 и 1940 годом бесследно и навсегда "исчезли" четыре научных сотрудника, что составляло около 20 % наличного состава научных работников института. Эти "исчезновения" живых людей, не совершивших никакого преступления и попавших в число жертв коммунистической профилактики (как потенциальные противники режима) и террора действуют обыкновенно на персонал учреждения угнетающим образом, так как все знают, что исчезнувший коллега и сослуживец никогда больше не вернется. Его имущество обычно конфискуется, а жена, если таковая имеется, депортируется в Центральную Азию, на Север или в Сибирь. Никто из сослуживцев не уверен, что завтра такая же участь не постигнет и его.

В свое время Ленин, исходя из чисто утилитарных мотивов, рекомендовал - хотя и весьма двусмысленно - беречь специалистов (от террора). В эпоху Сталина эта малоискренняя рекомендация была совершенно забыта. Были расстреляны или доведены до смерти тысячи научных работников разной квалификации и служебного положения. Погибли или были физически или морально замучены, например, академики С.Ф. Платонов (историк), Н.И. Вавилов (генетик), профессора: Чайнов, Кондратьев, Коршун, Кулешов, Егоров, Веселовский, Колкунов, Златогоров, Щуцкий, Плетнев, Ефремов, Свитальский, Кравчук, Н.Зернов, Гаморак и т.д. **Террор** создает своеобразную "рабочую" обстановку в научно-исследовательских институтах и вне их. Научный работник постоянно ощущает занесенный над его головой "грозный меч пролетарского правосудия". Хотя он живет и работает "на свободе", но он всегда чувствует и знает, что за ним зорко следят невидимые глаза и уши и что он находится как бы в обширной тюрьме, в которой является одним из заключенных.

6. О характере достижений Академии наук
в советский период

Советская реорганизация бывшей Российской Академии наук привела, как мы видели, к значительному количественному росту, выразившемуся в умножении как числа подведомственных Академии учреждений (филиалы, институты, лаборатории, музеи, обсерватории, библиотеки, станции, комитеты и комиссии), так и числа обслуживающих ее научных и технических сотрудников. Еще в 1948 году президент Академии, академик С.И. Вавилов, официально заявил, что Академия наук выросла по сравнению с дореволюционным периодом более чем в 20 раз. Советская Академия наук представляет, как справедливо замечает А.Вуцинич, автор обстоятельной книги о советской Академии наук, "гигантское научное предприятие, равного которому нет в мире; никогда еще мир не видел более разработанной системы координированных и централизованных исследований в области естествознания, технологии и гуманитарных наук"⁴⁷). Если это так, то, очевидно, и научная продуктивность должна соответствующим образом повыситься. И если бы это повышение выразилось не только в количественном росте, но и в качественном развитии, то непредвзятый наблюдатель мог бы сказать: да, "советизация" Академии наук действительно оказала положительное влияние на нее, давши мощный импульс к развитию наук. Но так ли это?

В 1942 г. академик В.Л. Комаров сообщил о достижениях "советизированной" Академии за 25 лет советской власти, и за 20 лет ее прикрепления к советскому правительству налицо оказалось следующее⁴⁸):

"220-летие Академии наук совпадает с 20-летием ее существования как Всесоюзной Академии, как общегосударственного научного центра СССР. Эти 20 лет богаты замечательными научными открытиями. Советские физики разработали теоретические основы новейшей электротехники, радиотехники и оптики.

47) A. V u c i n i c h . The Soviet Academy of Sciences. Stanford University Press, Stanford, California, 1956, p. 1.

48) В.Л. К о м а р о в . Речь на Торжественном заседании Юбилейной сессии АН СССР. Вестник Академии наук СССР, 1945, № 5-6, стр. 8.

Они дали ценные результаты в теории атомного ядра. Открытия академика Капицы известны всему миру, и сверхтекучесть гелия оказалась одним из наиболее важных физических открытий последних лет. Химики, работающие в Академии Наук СССР, могут гордиться теорией физико-химического анализа, созданной академиком Курнаковым, трудами академиков Зелинского и Фаворского и многими другими. В Академии Наук СССР развиты замечательные биохимические идеи академика Баха. Механика и математика продвинулись далеко вперед под влиянием работ академика Крылова, а новейшие открытия математика академика Виноградова стали исходным пунктом новых направлений в мировой науке. Изучение недр Советской страны привело к замечательным обобщениям в работах академика Обручева и других выдающихся советских геологов. География обогащена открытиями в Арктике. Физиология разрабатывается плеядой учеников Павлова".

Изучая эту речь президента Академии наук, мы должны учесть наличие в ней элементов пропаганды; с другой стороны, надо считаться с тем обстоятельством, что некоторые работы Академии строго засекречены, и о них президент умолчал. Перечисленные же академиком В.Л. Комаровым достижения такого исполинского ученого штаба как советизированная Академия наук СССР не особенно поражают наблюдателя; можно было бы ожидать, что учреждение-леваяфан за два десятилетия создаст нечто более грандиозное.

Пять лет спустя новый президент Академии наук академик С.И. Вавилов дал следующую общую картину советских научных достижений за три десятилетия (1917 - 1947)⁴⁹⁾:

"Даже в свои первые, особенно трудные годы советская наука многое дала своему народу и всему миру. Академик Д.С. Рождественский и проф. А.А. Фридман сделали очень важные открытия, касающиеся строения атомов и теории относительности. Академик А.Ф. Иоффе заложил основы современной физики кристаллов. В институте И.П. Павлова продолжались замечательные работы по условным рефлексам. Наряду с этими теоретическими взлетами поистине неисчислимы были большие и малые, но практически важные результаты в области изыскания полезных ископаемых, в области химии, электротехники, радио, оптики, авиации и по другим техническим разделам... Необычайно выросла практическая медицина, а вместе с ней расширились и научные исследования в области медицины и биологии. В широком масштабе развивалась сельскохозяйственная наука, направляемая на повышение урожайности крестьянских полей".

49) С.И. В а в и л о в . Статья "Наука" в БСЭ, т.СССР, Москва, 1947 столб. 1260-1261.

О характере советских научных достижений дает представление следующее место из обзора академика С.И. Вавилова⁵⁰⁾:

"(До революции)... очень большая доля предметов потребления, машин и материалов ввозилась из-за границы. Оттуда привозились станки, автомобили, телефоны, электрические лампы, санитарная техника, ткани. Писали и печатали на заграничной бумаге. Даже предметы вооружения, при том самые главные, приобретались преимущественно **за границей**. Сейчас на заводах СССР работают советские станки, по дорогам ходят советские автомобили. В СССР есть собственное радио, собственная оптика, электролампы, телефон и т.д. Все это стало возможным только в результате огромного роста советской науки, развития ее и вширь и вглубь".

Тут можно возразить академику С.И. Вавилону, указав на то, что все это давно уже стало обычным на Западе. Это есть не что иное, как рост вширь, но это не есть рост вглубь, как нас уверяет С.И. Вавилов. Если под ростом вширь понимать охват старыми представлениями новых, еще не изученных объектов и фактов, то собственно лишь такой рост имеет место в СССР. Под ростом вглубь следует разуметь открытие принципиально новых путей и методов исследования, каковы, например, составившие эпоху открытия Коперника, Галилея, Ньютона, Гарвея, Шванна, работы Линнея, Кювье, Ламарка, Дарвина, Пстера, Лобачевского, Менделеева, Эйнштейна и т.д. О таком росте науки в СССР на протяжении последних почти четырех десятилетий не приходится говорить. К росту вглубь нельзя отнести широко практикуемое в СССР подведение фактов и явлений под догмы и законы диалектического материализма. В первые годы революции отдельные ученые еще дерзали выступать с новыми и оригинальными теориями и глубокими воззрениями, которые могли дать толчек к росту науки вглубь, но диктатура заставила этих ученых замолчать или отречься от их взглядов, как не вяжущихся с обязательным унифицированным мировоззрением. Так, например, академик Л.С. Берг, зоолог и географ, талантливый ученый с аналитическим и синтетическим умом, вынужден был отречься от воззрений, высказанных им в его книге "Номогенез или эволюция на основе закономерностей"⁵¹⁾.

50) Там же, столб. 1261.

51) Ленинград, 1922; книга была также издана на английском языке в Англии.

Его труд, несмотря на его невинное содержание, вызвал у советских марксистов резко враждебную реакцию, и автор был обвинен в таких смертных грехах против режима, как витализм, идеализм, нелояльность марксизму-ленинизму и т.п. После этих атак Л.С. Берг, опасаясь репрессий со стороны ГПУ в отношении своей семьи (его детям угрожали исключением из университета), дал слово не писать больше по общим вопросам. Свое слово он сдержал и действительно после выхода указанной книги он не напечатал в СССР ни одной строки по общим вопросам, сосредоточив свою деятельность исключительно на эмпирическом материале в области ихтиологии и географии. Вынужденный отказ от синтетических исследований, к которым Л.С. Берг чувствовал призвание, был для него, несомненно, большим ударом, науке же был причинен значительный ущерб.

В советский период Академия наук добилась, несомненно, больших успехов в области математики, химии, физики и биологии. В последней можно отметить значительные достижения в таких отраслях, как флористика, фаунистика, геоботаника, систематика растений и животных, паразитология, физиология растений и животных, цитология, морфология и другие отрасли биологии. Но многочисленные работы советского периода - это почти исключительно расширение наших знаний на проторенных путях. Это есть рост - порой весьма значительный - рост вширь, но не вглубь.

Было бы, однако, несправедливым утверждать, что в СССР не было даже попыток к росту вглубь. Такие попытки были, но судьба их была плачевной. Одна из таких попыток имела место в области общей биологии и генетики. На международной арене она окончилась полным провалом. Независимо от той или иной чисто научной оценки этой попытки, провал ее объясняется, прежде всего порочной в подлинной науке перегруженностью новых теорий марксистско-ленинской политикой и, кроме того, крайне грубыми, вульгарными приемами полемики апологетов "нового направления" в биологии. Но если даже на минуту согласиться с советской оценкой достижений Мичурина, признав эти последние за рост вглубь, то в этом, как и в других случаях, западный критик может вполне резонно возразить: напрасно советские авторы причисляют достижения Мичурина, Павлова, Северцова и других к советским достижениям, ведь эти лица выполнили свои основные работы еще в дореволю-

ционный период. Что касается советских достижений в области атомной энергии, то о них можно сказать: в СССР проводятся, несомненно, большие работы в этой области, но инициатива в исследованиях этого рода все же принадлежит Западу. Явно или тайно, легально или нелегально (вспомним о процессах атомных шпионов в США и Англии) информация об атомных исследованиях и достижениях Запада доходила до коммунистических вождей и советских физиков - и советским ученым оставалось только далее изучать и расширять то принципиально новое, что было уже найдено на Западе.

Достижения в области "социальных" (гуманитарных) наук А. Вуцинич характеризует следующими словами⁵²⁾:

"Советские ученые, работающие в сфере социальных наук, проделали хорошую работу компилятивного характера. Историки опубликовали систематический и многотомный труд документальных материалов, начиная от древнейшего периода до настоящего времени. Археологи произвели в большом масштабе несколько весьма плодотворных раскопок, обогативших историю материальной культуры. Этнографы работают над собиранием информации о культурной реориентации различных народностей и племенных групп под воздействием социализма, урбанизации и роста промышленности. Ученые, работающие в других областях социальных наук, сделали аналогичные вклады. Но все это еще не наука: это попросту собирание ряда данных, хотя и значительных самих по себе, но представляющих лишь предварительную стадию настоящей научной обработки".

Следует заметить, что неправы те критики, которые утверждают, что в СССР вообще не было научных достижений. Рост был и при том значительный рост, но рост этот имел преимущественно количественный характер, рост вширь. Почему же в СССР нет научного роста вглубь? Как это ни странно, но ответ на этот вопрос содержится уже в следующих словах президента Академии наук СССР С.И. Вавилова⁵³⁾: "Качественное своеобразие" советской науки состоит в том, что она "полностью зависит от новых социально-экономических условий в стране, от новых целей, поставленных перед наукой, от ее новой организации и общего мировоззрения"... Этими словами академик С.И. Вавилов хотел, очевидно, сказать не то, что за ними скрывается. На языке, свободном от

52) А. В у с и н и ч . О р . с и т . , с т р . 46-47.

53) Цит. статья БСЭ, столб. 1256.

марксистско-ленинских формулировок, слова С.И. Вавилова означают, что наука в СССР находится в полном подчинении Центрального Комитета коммунистической партии и советского правительства и что наука там всецело порабощена политикой. В средние века наука была служанкой теологии, и это подчиненное положение науки сильно тормозило ее естественное развитие. В XX веке больше, чем на одной шестой части земного шара наука снова стала служанкой - на этот раз служанкой политики. Положение же служанки **препятствует** науке в СССР ее росту вглубь.

Итак, скудость или даже отсутствие в СССР роста науки вглубь находится в прямой связи с вторжением политики в Академию наук и в самую науку. Как и вся страна, Академия наук СССР тяжело больна политикой, больна не потому, что болезнь пришла в ходе ее естественного развития, но больна вследствие искусственно привитой ей болезни. Политика пришла в Академию через партийные и местные комитеты, через марксо-ленинские семинары, политические митинги, через бюрократизацию всего организма Академии, через декреты советского правительства, всецело подчинившие Академию своей власти. Все это парализует и умерщвляет подлинную науку. После смерти Сталина и его "развенчания" положение в Академии наук не изменилось. У нас нет в настоящее время живой связи и откровенного обмена мыслями с учеными советизированной Академии, но у нас имеется информация в виде печатных изданий Академии. В них ощущается прежний специфически-советский казенный дух, хотя и в несколько смягченной форме. Так, например, в Вестнике Академии наук СССР с 1955 года **отсутствуют** изображения политических вождей и их восхваление, как это было в сталинскую эпоху. Внешность этого общеакадемического издания приближается к Запискам Императорской Академии наук середины XIX века, но внутреннее содержание напечатанных работ попрежнему проникнуто политикой и марксизмом - ленинизмом. Такой же характер имеют и диссертации, упоминаемые и рецензируемые в "Вестнике" за 1955 год. Так, в нем сообщается, что по Институту экономики Академии наук состоялась защита следующих диссертаций на соискание ученой степени доктора: 1) Вопросы организации и оплаты труда в колхозах (А.П. Теряева); 2) Империалистическая борьба за источники сырья (А.А. Санталов) и др.⁵⁴⁾ Такой же характер

54) Вестник Академии наук СССР, 1955, вып. 12, стр. 121.

носят докторские диссертации, защита которых имела место несколько раньше. (в конце 1954 г.). Приведем некоторые из них. По Институту истории: 1) Коллективизация сельского хозяйства и ликвидация кулачества как класса в Центрально-Черноземной области в 1928 - 1932 гг. (П.Н. Шарова); 2) Агрессия европейских держав и США на Дальнем Востоке в 1882 - 1895 гг. (А.Л. Нарочницкий). По Институту философии: 1) Марксизм-ленинизм о роли народных масс в развитии общества (Б.М. Бернадинер)⁵⁵⁾; 2) Основы марксистской этики и критика современных буржуазных этических теорий (А.Ф. Шишкин)⁵⁶⁾; 3) Проблема эмоций в свете марксистско-ленинской теории отражения (Л.П. Лебедев⁵⁷⁾; 4) О борьбе нового со старым в развитии социалистического общества (В.П. Чертков); 5) Марксизм-ленинизм об антагонистических и неантагонистических противоречиях (Н.В. Карабанов)⁵⁸⁾. По Институту мировой литературы им. А.М. Горького: Советская художественная проза начала двадцатых годов и творчество Д.А. Фурманова (Г.П. Владимиров)⁵⁹⁾.

Из этого перечня тем докторских диссертаций видно, что в самое последнее время институты Академии наук продолжают по-прежнему работать по марксо-ленинским паблонам. Старое требование о партийности науки сохраняет силу и теперь. Это требование отражается особенно пагубно на работе гуманитарных институтов: объективному историку или литературоведу невозможно совместить научную работу с марксистской схемой. Идеиные и способные ученые предпочитают заниматься мелочами и второстепенными, для марксистско-ленинского анализа трудно достигаемыми темами, чем выставлять объекты своих исследований в ложном и тенденциозном освещении. Яркой иллюстрацией подобного положения вещей может служить официальный отчет о деятельности отделения литературы и языка Академии наук за 1955 год. Отчет был сделан на общем собрании отделения руководителем последнего академиком В.В. Виноградовым и напечатан в Вестнике

55) Там же, стр. 120.

56) Там же, стр. 121.

57) Там же, вып. 5, стр. 104.

58) Там же, вып. 10, стр. 102.

59) Там же, вып. 12, стр. 121.

Академии наук СССР. В.В. Виноградов говорил о больших пробелах в изучении русской литературы XVIII и XIX веков, в частности об отсутствии "марксистско-научных" монографий о творчестве Кантемира, Ломоносова, Тредьяковского, Сумарокова, Карамзина, Тургенева, Достоевского, Л.Толстого, Лескова, Г.Успенского и др. Далее В.В.Виноградов отметил, что, "несмотря на некоторое улучшение работы в отдельных отраслях литературоведения, коренного сдвига в исследованиях не произошло. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) уклонился от участия в выполнении общих тем, в частности от работы над сборником "Вопросы теории литературы". По откровенному признанию докладчика, в этом институте "объем научной продукции, за исключением трудов по древней русской литературе, почти не растет". По поводу доклада академика Виноградова мы можем со всей определенностью сказать, что для русской литературы и русской культуры было бы несравненно лучше, если бы творчество указанных в докладе писателей не было втиснуто в узкие рамки марксистско-ленинской схемы.

Критическую статью о многотомной истории русской литературы, изданной Академией наук СССР, опубликовал М.Слоним (в 1955 г.). В ней он писал, между прочим, следующее⁶⁰⁾:

"Передо мной лежит последний десятый том монументальной истории русской литературы, издаваемой Академией наук СССР. В прежних отдельных томах этого коллективного труда, вышедшего за последние пятнадцать лет с большим опозданием, имелись серьезные работы видных ученых. Так было, пока речь шла о древнем периоде, о XVIII и даже начале XIX века. Но по мере приближения к современности и статьи, и их авторы стали заметно ухудшаться, и обзор литературы 1890-1917 годов, составляющий предмет последнего выпуска, поражает своей умственной ограниченностью и низким научным уровнем. Большинство статей этого огромного тома в 800 страниц было, очевидно, отредактировано еще до смерти Сталина, в годы диктатуры ждановщины, и хотя книга вышла в 1954 г., она отражает требования более жестокого политического периода. Это поистине памятник - памятник нетерпимости, сектантской тупости и критического убожества... Ни отличное оформление внушительного тома, ни марка Академии наук не могут скрыть того факта, что история поэзии недавнего прошлого заменена в этом издании злостной попыткой обмануть читателя: от него или скрывают факты или представляют ему их в ложном свете. У литературоведа подобное обращение с писателями и их

60) М. С л о н и м . Фигура умолчания. "Новое Русское Слово", Нью Йорк, 21.VIII.1955.

творчеством не может вызвать никаких иных чувств, кроме возмущения и брезгливости. Освященный академическим авторитетом обзор русской литературы оказывается методологически несостоятельным, теоретически порочным и исторически неверным".

Президент Академии наук А.Н. Несмеянов придерживается иного мнения об этом обзоре русской литературы; он пишет⁶¹⁾: Литературоведы не плохо справились с подготовкой десяти томного труда по истории русской литературы".

Более отрядные результаты дала деятельность Института языкознания. В.В. Виноградов информировал, что к 1955 г. закончены 10 монографий и "Русский орфографический словарь"; вышел из печати второй том "Грамматики русского языка". Было продолжено составление толковых словарей и диактологических атласов русского языка⁶²⁾. Более успешная работа в области языкознания вполне понятна, так как, в силу особенностей этой области знания, "марксистско-ленинская методология" может вторгаться в нее лишь с большими трудностями и в значительно меньшей мере, чем это имеет место, например, в области истории и истории новейшей литературы. Если мы ознакомимся с темами диссертаций, защита которых состоялась в самое последнее время (1956 г.), то увидим, что в таких науках, как ботаника, зоология, биохимия, генетика, микробиология, физиология растений и животных, палеонтология, почвоведение и другие области естествознания, а также в технических науках, диссертации сравнительно мало затронуты марксо-ленинской схоластикой. Иначе обстоит дело например, по отделению экономических, философских и правовых наук. Вот темы докторских диссертаций за 1956 г. (за неимением места мы опускаем перечень кандидатских диссертаций)⁶³⁾. По Институту философии: Мораль советского общества и особенности ее формирования (М.Г. Журавков); по Институту экономики: Деньги в социалистическом обществе (Очерки теории), (Я.А. Кронрод); Экономика Франции и положение трудящихся масс после второй мировой войны (В.В. Любимова).

61) О задачах Академии наук СССР в свете решений XX съезда КПСС, Вестник Академии наук СССР, 1956, вып. 6, стр. 12.

62) В.В. В и н о г р а д о в . Доклад. Вестник Академии наук СССР, 1955, вып. 4, стр. 88-89.

63) Вестник Академии наук СССР, 1956, вып. 5, стр. 115.

Президент Академии наук А.Н. Несмеянов в мае 1956 г. выступил в Москве с докладом на тему: "О задачах Академии наук СССР в свете директив и решений XX съезда КПСС⁶⁴⁾". В директивах этого съезда говорится, что необходимо "расширять теоретические исследования во всех областях знания", необходимо "повысить роль научных учреждений в деле технического прогресса и организации производства". Директивы съезда были детально разработаны президиумом Академии применительно к каждому отделению и даже институту и результаты этой проработки были предложены собранию академического актива для руководства и исполнения. Другими словами, было проделано то, что проделывается почти четыре десятилетия. Армия научных работников Академии должна теперь послушно следовать указаниям XX съезда партии и директивам президиума Академии. Для свободной творческой инициативы остается мало места. А.Н. Несмеянов довольно подробно остановился в своем докладе на положении в каждой группе наук, указавши с точки зрения методологии марксизма-ленинизма на достижения и недостатки работы в каждой из групп. Опуская рассмотрение перечисленных докладчиком задач, поставленных XX съездом перед работниками в области естественных и технических наук, посмотрим, что происходит в настоящее время (1956 г.) в сфере гуманитарных ("общественных") наук.

А.Н. Несмеянов указал вначале на положительные стороны в деятельности гуманитарных институтов. Он отметил, что Академией подготовлена десятитомная "Всемирная история", "История исторической науки" "История английской революции XVII века" (два тома), "История революции 1848 года"; кроме того, вышли в свет такие труды, как "История Польши", "История Болгарии", сборники о революции 1905 - 1907 гг., "Народы Африки" и другие труды. Однако президент далее заявил, что недостатков в работе гуманитарных отделений Академии больше, чем достижений. На эти недостатки указал Центральный Комитет партии на XX партийном съезде.

64) Там же, вып. 6, стр. 12.

"Особенно неблагоприятно, - говорил академик А.Н. Несмеянов, - обстоит дело с разработкой истории Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, социалистического строительства, Великой Отечественной и второй мировой войны, истории международного рабочего движения и борьбы народных масс".

Своеобразие этих тем, развития которых так настойчиво требует ЦК партии, а за ним и академик А.Н. Несмеянов, производит впечатление, будто коммунистические вожди не в состоянии выйти из круга коммунистических абстракций; поэтому они полны вожделения идеализировать и оправдать дела коммунистической партии авторитетом Академии наук, которая должна, разумеется, писать указанные истории, всячески восхваляя и научнообразно их "обосновывая". Для подлинного ученого писать такую историю немислимо. Но нет сомнения, что историки-коммунисты, в ближайшем будущем выполнят и эту задачу.

Не упоминая о коренной причине неблагоприятного положения в области гуманитарных наук, наиболее пострадавших от коммунистического давления, академик А.Н. Несмеянов упрекает работников научных учреждений гуманитарных отделений в том, что многие из них

"...закоснели в догмах, срослись с цитатами, отучились от изучения жизненных фактов, статистических данных, новейших достижений науки, перестали следить за иностранной литературой... Многие экономисты, философы, юристы, языковеды занимались преимущественно комментированием общеизвестных положений".

Далее в докладе говорится, что делу развития гуманитарных ("общественных") наук нанесен "серьезный ущерб" культом личности. При этом докладчик не упомянул, что этот культ был на- сильно навязан ученым той же коммунистической партией, но высказался в таком тоне, будто сами ученые создали этот культ: "В распространении культа личности, - говорил он, - работники общественных наук погрешны не меньше, чем деятели литературы и искусства". Здесь комментарии излишни, так как положение деятелей литературы и искусства в СССР общеизвестно. О культе Сталина президент Академии сказал следующее⁶⁵⁾:

65) Там же, стр. 12-13.

"Во многих книгах и статьях, выпущенных нашими институтами, все успехи советского народа приписывались заслугам одного человека. Развитие теории также считалось монополией Сталина и связывалось лишь с его указаниями и выступлениями. Любое выступление Сталина преподносилось как воплощение истины в последней инстанции, как вершина марксистско-ленинской теории. При этом считалось, что каждый вопрос получил законченное решение, и научным работникам оставалось только пересказывать и комментировать известные формулы и цитаты".

Критика культа Сталина вовсе не означает, что правящая партия решила ослабить духовное давление. Отказ от культа Сталина имеет иную основу, что видно из следующих слов А.Н. Несмеянова: "Ослепление культом личности приводило к тому, что отодвигались на задний план и по существу умалялись основополагающие труды Маркса и Ленина"⁶⁶⁾. Другим словами, коммунистические вожди призывают перенести культ личности со Сталина на других лиц.

Итак, о каких-либо идейных сдвигах или новых веяниях в работе Академии наук СССР говорить в настоящее время не приходится. Если не считать возможности для некоторых ученых участвовать в научных конференциях и съездах за границей и принимать западных туристов-ученых у себя дома⁶⁷⁾, все остается по существу в том же положении, как и до критики культа Сталина.

В своей книге о Советской Академии наук А.Вуцинич отмечает, что после смерти Сталина заметны в жизни и работе Академии некоторые утешительные симптомы. Он указывает на следующие факты: 1) Прекращение яростных нападок - на конференциях и в печати - на отдельных академиков; критика научных достижений производится (с 1954 г.) в безличных выражениях и носит более общий характер; 2) прекращение обвинений ученых в "космополитизме", расцветших при Сталине после войны; "национальный характер" науки перестал быть предметом псевдонаучных, эмоционально окрашенных сентенций; 3) признание значения теоретических исследований наряду с разработкой практических проблем; 4) смягчение

66) Там же, стр. 13.

67) В 1954 г. за пределы страны выезжало 175 человек и СССР посетило 180 человек, в 1955 г. - соответственно 473 и 362. Академик А.Н. Несмеянов признал, что личное научное общение ученых разных стран имеет "исключительное значение в научной работе". Это общение он обещает усилить в будущем. Но обещания президента Академии могут быть аннулированы в любой момент Центральным Комитетом партии.

требований по внедрению философского догматизма в исследовательскую деятельность; 5) отказ от "научной монополии" как это имело место в случае Лысенко и 6) разоблачение фикции о всезнайстве Сталина⁶⁸⁾.

Все эти "послабления" являются лишь эпизодом, связанным с акцией "развенчания" Сталина. По поводу этих "послаблений" А. Вуцинич замечает следующее⁶⁹⁾

"Новые события не должны дать повода к выводу, что после длительного периода притеснений Академия снова вступила в эру многообещающего расцвета. Эти события могут внести некоторое облегчение на пути честной, непорабощенной научной работы, но они не указывают на какие-либо основные изменения в отлившейся форме организованной науки. Ученый будет все еще твердо держаться священных правил коммунистической идеологии, двигаться по путям централизованного планирования и осуждать то, что осуждать желает партия."

7. Старая Академия наук и итоги советизации

Академия наук в Петербурге возникла в свое время не как свободное объединение ученых и научно образованных людей, но была задумана и учреждена государственной властью, именовалась Императорской Академией и состояла всецело на иждивении государства. Вспомним, в какой исторической обстановке появилась эта академия. Это была эпоха неограниченного самодержавия. Своих отечественных ученых в духе новых веяний, принесенных эпохой Возрождения на Западе, в России XIX века еще не было. Перед Россией была единственная возможность - призвать к жизни академию наук сверху, путем ее учреждения царским правительством и путем приглашения иностранных ученых для работы в ней. Таким образом, самый способ рождения петербургской Академии наук определил ее дальнейшую судьбу, как учреждения, опекаемого государством. Подчиненное положение этого научного центра подчеркивалось также, по крайней мере в первое время, тем фактом, что новые назначения академиков

68) A. V u c i n i c h . Op. cit., p. 121-123.

69) Ibid, p. 123.

и сотрудников, в том числе и президента академии, производились верховной властью. Президент Академии не избирался, а назначался императором (этот порядок существовал до 1917 года⁷⁰).

В самое содержание наук и в научно-исследовательскую работу Академии императорская власть не вмешивалась. Однако некоторые ученые, работавшие в Академии, возбуждали подозрение со стороны духовенства и гражданской власти. Это имело место в тех случаях, когда науки касались истин, опровергавших воззрения, утвердившиеся веками. Распространение таких наук встречало, по словам академика П. Пекарского, непреодолимые препятствия. Так, например, речь академика Делиля на тему о том, вертится ли земля или не вертится, нашли в 1728 г. неудобным опубликовать на русском языке, так как автор решал вопрос в положительном смысле. В книге П. Пекарского читаем далее следующее⁷¹).

"В 1731 году решительно не смели издать, без разрешения высшего начальства, сочинения Фонтенеля о множестве миров. Кроме этой осторожности в хранении утвердившихся хотя бы и ложных убеждений, замечалась в описываемое время подозрительность, которая хотела, чтобы и истины, добываемые путем научных исследований, составляли государственную тайну. Так, обвинения астронома Делиля в сообщении за границу астрономических наблюдений доходили даже до сената, а между тем известно, что достоверность и полезность подобных наблюдений получается именно через сравнение того, что наблюдаемо астрономами в разных землях".

Академия представила 25 апреля 1734 г. в сенат записку по поводу исторических исследований, говоря, что Академия намерена последовать примеру других народов, которые "об исправлении истории отечеств своих тщание имеют". Сенат препроводил это ходатайство на заключение синода, который вынес такое определение: "Рассуждаемо было, что в Академии затевают истории печатать в чем бумагу и протчий кошт терять будут напрасно, по

70) Приводим список президентов Императорской Академии наук в хронологическом порядке (в скобках указаны годы рождения и смерти): Л.Л. Блюментрост, лейб-медик (1692-1755), Г.К. Кейзерлинг, барон (1697-1764), И.А. Корф, барон (1697-1766), К. фон Бреверн, барон (1704-1744), К.Г. Разумовский, граф, гетман (1728-1803), А.Л. Николаи, барон (1737-1820), Н.Н. Новосильцев (1762-1838), С.С. Уваров, граф (1736-1855), Д.Н. Блудов, граф (1785-1864), Ф.П. Литке, адмирал (1797-1882), Д.А. Толстой, граф (1823-1889), Константин Константинович, великий князь (1858-1915). Этот перечень взят из книги Б.Л. Модзалевского: Список членов Императорской Академии наук 1725-1907. СПб. 1908.

71) П. П е к а р с к и й . История Императорской Академии наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870, стр. LXXV.

неже во оных писаны лжи явственныи"⁷²⁾.

Однако подозрительность и резолюции синода не остановили научной работы Академии. Ни верховная власть, ни сенат, ни синод не вмешивались в научные исследования академиков. Трудно представить себе, чтобы даже в XVIII столетии император, сенат или синод предписывали в принудительном порядке Академии наук угодную им научную линию или тематику. Как нечто фантастическое могла бы в ту эпоху показаться директива светской или церковной власти ввести в научную продукцию Академии наук догмы вероучения Православной Церкви или в текущую научную работу принцип монархической партийности науки. В XIX и в начале XX в. Академия пользовалась полной свободой исследования. Вмешательство государственной власти в дела Академии выразилось главным образом, неутверждением некоторых ученых и писателей, избранных и рекомендованных Академией в качестве действительных или почетных членов. Известно, например, что в начале XX в. М. Горький был избран Академией в почетные академики. Несмотря на то, что выборы были произведены с соблюдением всех правил и установлений, кандидатура М. Горького не была утверждена императором Николаем II. В виде протеста А. П. Чехов и В. Г. Короленко отказались от звания почетных академиков. Советские источники, желая подчеркнуть реакционную политику царского правительства по отношению к Академии наук, указывают на то обстоятельство, что заслуженные ученые Н. И. Лобачевский, А. Г. Столетов и др. не были удостоены избрания в Академию, а Д. И. Менделеев и И. М. Сеченов, будучи членами-корреспондентами последней, были забаллотированы при выборах в действительные члены. Здесь, по видимому, имела место не реакционность академиков, а недостаточная оценка научных достижений кандидатов.

Такова была связь императорской Академии наук с государственной властью до революции 1917 г. Положение Академии при советской власти было подробно охарактеризовано в предыдущих главах. Проникновение государственной коммунистической власти и идеологии во все поры и закоулки академической жизни стало обычным, "нормальным" явлением. Академия утратила свое прежнее лицо и превратилась в придаток Совета министров СССР. Под давле-

72) Там же, стр. LXVII.

нием государственной власти Академия совершала акты, которые она никогда не совершила бы в обстановке политических и академических свобод. Так, например, 22 декабря 1939 г. 1939 г.

"за выдающиеся заслуги в деле развития мировой науки и дальнейшего всестороннего развития марксистско-ленинского учения" был избран почетным членом Академии наук СССР И.В. Сталин⁷³⁾.

Как мы видели выше, в наиболее тяжелом положении в советское время, особенно в долгие годы сталинской диктатуры, оказались ученые гуманитарных институтов. В Институте истории научно-исследовательская работа строилась исключительно на основе "марксистско-ленинского материалистического понимания истории". В официальном академическом издании: "220 лет Академии наук СССР" читаем: "Громадное значение для развития работы Института истории, как и для развития исторической науки в СССР вообще, имели и имеют труды И.В. Сталина и вышедший в свет в 1938 г. "Краткий курс истории ВКП/б"⁷⁴⁾. Теперь, после "развенчания" Сталина и его "трудов", эти слова звучат как ирония над учеными Академии. Приведенная оценка "научного" импульса, данного диктатором, наглядно показывает, в какую пучину научного иллюзионизма была насильно втянута Академия наук на протяжении трех десятилетий. Но принудительный научный иллюзионизм царствует в Академии и поныне в виде марксизма-ленинизма, очищенного от "ошибок" сталинизма. Легко представить себе трагизм серьезных ученых, которым дорога истина, но которых коммунизм всей силой принудительного государственного аппарата заставляет отрекаться от собственных идей, добытых научным мышлением замечая их плоскими и тенденциозно фальшивыми мыслями казенных доктрин.

Советская власть сразу вступила на путь решительной ликвидации научного и философского "идеализма" и целого ряда связанных с "идеализмом" научных дисциплин в Академии наук и закрепилась в ней на платформе чисто внешне материалистической культуры. В первой главе было указано, что Академия наук в Петербурге в первые же годы ее существования была призвана стать фактором культурного развития, рассадником новой образованности. Такую Академию желала иметь и коммунистическая власть,

73) 220 лет Академии наук СССР (1725-1945). Справочная книга. Москва-Ленинград, 1945, стр. 17.

74) Там же, стр. 243.

но это культурное развитие должно было проходить исключительно в рамках тесного и ограниченного мира представлений, выработанных Марксом и Лениным.

В советской реорганизации Академии наук следует различать положительные стороны. Положительным в советском эксперименте над Академией является, прежде всего, тот факт, что, придя к власти, коммунизм не оставил Академию наук на произвол судьбы, а поддержал ее. Это было в первые годы революции, когда в стране царил хаос, и население городов страдало от голода и разрухи. В последующие десятилетия советская власть оказывала Академии всяческую материальную помощь, но зато подвергла ее радикальной "переделке", превратив Академию в колоссальный научный центр, по своей структуре, задачам и своеобразию едва ли не единственный в мире. Не только количество научных учреждений Академии, но и число научных работников были доведены до рекордных цифр. Однако количественные показатели не всегда находятся в согласии с качественными.

Среди армии научных работников советизированной Академии имеется, несомненно, много талантливых и ценных людей. Но следует иметь в виду, что даже люди среднего возраста (40-45) прошли через советское воспитание со всей его спецификой. Примерно от начала революции до тридцатых годов был период, когда из программы низшей и средней школы была исключена русская и всемирная история - и учащиеся выходили из школы без исторической перспективы, но начиненные крайне вредной советской "политграмотой". Такие молодые люди поступали в университет со значительными пробелами в своей подготовке. Несомненно, многие из нынешних научных работников Академии обязаны влиянию семьи, которая помогала им заполнить пробелы в их образовании и исправлять недостатки советского воспитания, проникнутого атеистическим марксизмом-ленинизмом с его безнравственной "этикой". Если исключить прирожденные личные качества и влияние семьи, то казенное советское мировоззрение с его ненавистью к "классовым" врагам, с его фанатизмом и насилием, с его запретом свободной мысли, с его конечным чисто мещанским идеалом материального благополучия неспособно само по себе пробудить и питать в молодых умах и сердцах те высокие идеалы, которыми раньше жили ученые, давшие миру новое. Но при всем том Академия наук СССР

пополнилась ценными молодыми научными работниками, здоровый инстинкт которых оказался сильнее разлагающего влияния казенного мировоззрения. Но тут же следует отметить, что в ней имеется также много людей, ставших научными работниками не по призыву, не из любви к науке, а по директивам партии или из мотивов личного карьеризма.

Академия наук в императорский период отличалась от академий других стран тем, что была мощным культурным фактором для своего народа. В XVII столетии она была рассадником западной образованности в России. В последнее время, в результате советизации, она превратилась в канал для реакционной в культурном отношении тотально материалистической и атеистической образованности, упрощающей и вульгаризирующей представления народа о мире и человеке, тормозящей естественное и здоровое развитие самой науки. Таков конечный и роковой результат советизации Академии наук. Этот результат обесценивает то положительное, что принесла с собой реорганизация Академии.

Советизированная Академия не только озиралась и озирается со страхом на советское правительство и на ЦК коммунистической партии, но превратилась в их послушную служанку.

Свободное и плодотворное научное творчество станет возможным в академии наук СССР лишь тогда, когда она будет очищена от политики, развращающей ее работников; когда будет преодолен порочный и реакционный принцип Ленина о партийности науки⁷⁵⁾; когда Академия наук и сама наука освободятся от опеки и диктатуры тоталитарной власти. Это не значит: "Назад к старой Академии!" К старому нет возврата, но все несовершенное как в старой, до-революционной, так и в новой, советизированной Академии наук должно быть преодолено. В настоящее время Академия наук СССР, несмотря на ее гигантский внешний рост, находится на пути к идейному упадку и тупику. Выход из этого критического состояния

75) Многие деятели науки советизированной Академии, несомненно, тяготятся этим принципом, убивающим творческую мысль, но не решаются высказаться из боязни репрессий со стороны диктатуры. И все же недавно академик П.Л. Капица в статье о научной деятельности Вениамина Франклина в осторожной и мягкой форме солидаризируется с американским ученым, говоря, что "забота о развитии мировой науки должна стоять вне политических и военных противоречий между народами". (П.Л. Капица. Научная деятельность В. Франклина. Вестник Академии наук СССР, 1956, вып. 2, стр. 74).

только один: реорганизовать "советизированную" Академию на новых началах - на принципе полной свободы научного исследования и научной мысли, на принципе независимости науки и духовной жизни в целом от порабощения их государственной властью, политикой и принудительным казенным мировоззрением.

Автор настоящей работы, д-р Е.Х. З а н к е в и ч - биолог; старший научный сотрудник Украинской Академии наук вплоть до второй мировой войны; преподаватель высших учебных заведений в 1929 - 1941 гг. Автор тридцати шести научно-исследовательских работ, научных статей и книг в области экспериментальной биологии и философии на русском, украинском, английском и немецком языках. В эмиграции с 1943 года; продолжал научную работу в Германии и в настоящее время - в США.

Институт по изучению СССР опубликовал в 1955 г. его статью: Н. К о ш е в а т ы й . Работники науки и коммунизм в сборнике "К проблемам интеллигенции в СССР".

THE REORGANIZATION OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The Academy of Sciences plays a much more important part in the scientific and cultural life of the Soviet Union than analogous institutions in other countries. It exercises a controlling influence over the entire cultural activity of the state - a function which arises, firstly, from the atheistic Marxist-Leninist view that science and learning are, by their nature, incompatible with "religious superstition" and are a factor of prime importance in the struggle with what Marx termed the "opium for the masses," and, secondly, from the Communist dogma that Soviet socialism is the only possible scientific socialism and that the construction of socialism in the Soviet Union is simply "science in action." Even in Lenin's time the Soviet authorities devoted particular attention to the Russian Academy of Sciences with a view to exploiting it in the interests of the regime. For this reason the fate of this institution of learning, the highest in the Soviet Union, during the last few decades acquires an especial interest for the cultural historian.

The former Russian Academy of Sciences has gone through several stages of sovietization, which have progressively tended to convert it into an obedient tool of the Soviet Government and the Communist Party. The aim of centralizing academic research and extending the functions of the Academy of Sciences was pursued by the Communist authorities without undue haste but persistently and systematically, and reached its culminating point toward the end of Stalin's dictatorship.

By the decree of July 27, 1925 the Russian Academy of Sciences was renamed the Academy of Sciences of the USSR. In 1929 42 new members were elected, including 18 of the most prominent construction engineers and scholars and scientists belonging to the Party. The Academy became permeated by the official Soviet philosophy of dialectical materialism, which had previously been declared to be the "militant philosophy of the proletariat" and which was relentlessly opposed to all other systems. On December 14, 1933 it was placed under

the jurisdiction of the Council of People's Commissars (now the Council of Ministers), and on April 22 of the following year was transferred from Leningrad to Moscow. Thus the Soviet Academy of Sciences, having acquired the rights and status of a People's Commissariat, or Ministry, became, as its newly-elected Communist members put it, "a governmental body endowed with the highest authority in all matters concerning the development of science and its application in the construction of the new society." In November 1935 a new constitution for the Academy was ratified which sanctioned the position created during the first seventeen years of the Soviet regime. The ascendancy of the Soviet outlook in the Academy was made even more complete after the merger with the Communist Academy in 1936. Institutions affiliated with the Academy of Sciences were established in distant parts of the country: in 1949 these had reached the total of sixteen and embraced 34 research institutes. Some of these affiliated institutions have been transformed into independent academies, five of which have come into existence since the war - in Azerbaidzhan, Armenia, Georgia, Kazakhstan, and Uzbekistan. There are also five other national academies - the Ukrainian (founded on November 14, 1918 under the hetmans), the Belorussian (founded on October 13, 1928), the Latvian, Lithuanian and Estonian. Before the Revolution the Russian Academy of Sciences had three departments, one dealing with mathematics and the natural sciences, another with history and literature, and the third with Russian language and literature. At present the Soviet Academy of Sciences is divided into eight departments, a considerable number of which are devoted to natural sciences and engineering. In 1949 it possessed 56 institutes, 15 laboratories, four observatories, seven museums, five experimental stations and over fifty committees and commissions. It publishes 38 journals specializing in various branches of learning. In 1950 its staff included 6,053 researchers, of whom 918 had the degree of doctor and 2,455 that of candidate. On October 24, 1954 51 members and 148 corresponding members were elected, representing 63 branches of learning.

Concurrently with this rapid rate of development, the Soviet Academy of Sciences has increasingly acquired a peculiarly Soviet character. Its Party organization has progressively exerted its authority and acquired importance in the Academy as the propagator of Marxism-Leninism

and implementer of directives issued by the dictatorship. In 1928 there were two Party members on the Academy's staff, but six or seven years later their number had reached three hundred, including eighteen members of the Academy and fifty researchers. The work of the Academy's Party organization made itself felt primarily in the "orientation of basic research personnel toward the Marxist ideology." This "orientation" was achieved by purging members of the staff, by means of methodological work i.e., the compulsory study of Marxism-Leninism in special study group and also through obligatory social work at the lowest organizational level - with the local committees. Loyalty to the regime was also secured by other methods such as arrests, banishments and executions: Academicians Platonov, N.I. Vavilov and Prof. N. Zerov, among many others, perished in the torture-chambers of the GPU-NKVD. The purge of scholars and scientists, however, opened the eyes of the most intelligent Party leaders, who realized that the sovietization of the Academy was reaching an impasse. Consequently there was a "switch-over" to the older specialists at the end of the thirties, when scholars were returned from benishment, rehabilitated and entrusted with responsible positions in the Academy. These included, for example, Academicians Y.V. Gotye and V.I. Picheta. Such rehabilitations, however, were insufficient to enable the dictatorship to restore the Academy to its former position of importance.

The task relentlessly imposed by the Communist dictatorship on the Academy of Sciences is that it should observe the false and reactionary principle of the Party character of science and philosophy. Academic publications must either conform to Marxist-Leninist methodology or at least not repudiate it. Consequently, Soviet research is subjected to a yoke which prevents the free development of scientific thought. The various branches of learning have become a means of illustrating "truths" contained in Marxism-Leninism. This totalitarian "**reconstruction**" has created, in the Academy of Sciences and in science itself, a situation as burdensome and intolerable as in the sphere of Soviet art, which is constantly controlled by the State authorities.

The Academy of Sciences has grown to a size twenty times greater

than what it was in prerevolutionary times (see S.I. Vavilov), but this development has been largely superficial rather than a growth in depth. The sovietization of the Academy and the infiltration of Communist policy into its work have transformed science into a servant of current politics, thus degrading it to a hitherto unprecedented extent, and rendered the Academy incapable of achieving any real academic progress. Today the Soviet Academy of Sciences is a victim to politics, thrust upon it through the medium of Party committees, local committees, Marxist-Leninist seminars, innumerable political meetings and governmental decrees and guarded by the watchful eyes and ears of the Soviet secret police. The profound ideological crisis which is at present bedeviling the Academy can only be solved after it has been reorganized on the basis of complete freedom of research and academic thought and after politics have been expelled. Soviet science and philosophy must be freed from the strait jacket which at present imprisons them.

Dr. E. S a n k e w i t s c h

ZUM PROBLEM DER NEUGESTALTUNG DER RUSSISCHEN AKADEMIE DER
WISSENSCHAFTEN DURCH DIE SOWJETS

Die Akademie der Wissenschaften spielt im wissenschaftlichen und kulturellen Leben der Sowjetunion eine weit grössere Rolle als ähnliche Institute in anderen Ländern. Die Akademie der Wissenschaften gibt für das gesamte Kulturleben des Sowjetlebens den Ton an. Diese Sonderstellung der Akademie der Wissenschaften der UdSSR hängt zusammen:

1) mit dem offiziellen marxistisch-leninistischen Atheismus und der zum Dogma erhobenen Anschauung, Wissenschaft sei ihrer ganzen Natur nach mit "religiösem Aberglauben" unvereinbar und Hauptfaktor im

Kämpfe gegen das "Opium für das Volk" (ein Ausdruck Karl Marx');

2) mit der kommunistischen These, die zugleich Dogma ist, der Sowjetsozialismus sei der einzig mögliche wissenschaftliche Sozialismus, und der sozialistisch-kommunistische Aufbau in der UdSSR sei nichts anderes als "Wissenschaft in Aktion". Bereits zu Lenins Zeiten schenkte die Sowjetregierung der Akademie der Wissenschaften Russlands zwecks deren Dienstbarmachung für das Regime grösste Beachtung. Aus diesem Grunde ist die Geschichte und die Lage dieses höchsten wissenschaftlichen Organs der Sowjetunion im Laufe der letzten Jahrzehnte für den Kulturhistoriker von höchstem Interesse.

Die ehemalige Russische Akademie der Wissenschaften hat einige Sowjetisierungsstufen, die sie in ein williges Werkzeug der Sowjetregierung und der kommunistischen Partei verwandelten, nach und nach passiert. Die Zentralisierungsbestrebungen bei der wissenschaftlichen Arbeit zur Verleihung eines grösseren Gewichte an die Akademie der Wissenschaften der UdSSR wurden von der Regierung ohne überflüssige Eile, jedoch planmässig und hartnäckig verwirklicht. Die damit verbundenen Massnahmen erreichten ihren Kulminationspunkt gegen Ende der Stalindiktatur.

Laut Dekret der Sowjetregierung wurde die Russische Akademie der Wissenschaften am 27. Juli 1925 in die "Akademie der Wissenschaften der UdSSR" umgewandelt. 1929 wurden 42 neue Mitglieder, darunter 18 der besten Bauingenieure und Wissenschaftler der Kommunistischen Partei, gewählt. Die offizielle Sowjetphilosophie des dialektischen Materialismus "hielt ihren Einzug und feierte ihren Sieg". Es war jene Philosophie, die von der Sowjetregierung bereits früher zur "militanten Philosophie des Proletariats", die alle anderen Weltanschauungen strikt ablehnte, erklärt worden war. Am 14. Dezember 1933 ordnete die Sowjetregierung durch Dekret die Übernahme der Akademie der Wissenschaften in den Kompetenzbereich des Rats der Volkskommissare (d.h. des Ministerretts) der UdSSR an, am 22. April des nächstfolgenden Jahres erfolgte die Verlegung der Akademie aus Leningrad nach Moskau. Auf diese Art und Weise avancierte die Akademie der Wissenschaften der UdSSR, die alle Rechte eines Volkskommissariats erhalten hatte, wie die neuernannten kommunistischen Akademiemitglieder sich auszudrücken

pfliegten, "zum allerkompetentesten und autoritärsten Organ bei der Regierung in allen Fragen, die sich auf die Entwicklung und die Anwendung der Wissenschaft beim Aufbau der neuen Gesellschaft" beziehen. Im November 1935 wurden die Statuten der Akademie bestätigt, durch welche die Ordnung, die sich im Laufe der ersten 17 Jahre der Sowjet-herrschaft herausgebildet hatte, offiziell anerkannt wurde. Noch penetranter machte sich der kommunistische Geist bemerkbar, als die Akademie der Wissenschaften mit/^{der} Kommunistischen Akademie 1936 fusionieren musste. In ganz entlegenen Gebieten wurden Filialen der Akademie der Wissenschaften gegründet: 1949 wurden davon 16 Filialen mit den 34 dazugehörenden Forschungsinstituten gezählt. Mehrere dieser Filialen wurden in selbständige Akademien umgewandelt.

So entstanden nach dem zweiten Weltkriege fünf Akademien: die von Azerbaidschan, Armenien, Georgien, Kasakstan und Usbekistan. Es gibt ausserdem fünf nationale Akademien: die Ukrainische (die am 14. November 1918 während der Hetman-Aera gegründet wurde), die Weissruthenische (gegründet am 13. Oktober 1928), die Lettische, Litauische und Estnische. Vor der Revolution enthielt die Russische Akademie der Wissenschaften drei Abteilungen: 1) die für Mathematik und Naturwissenschaften und 2) und 3) Abteilungen für Philologie, Geschichte, russische Sprachwissenschaft und Literatur. Heutzutage umfasst die Akademie der Wissenschaften der UdSSR acht Abteilungen, deren grösster Teil sich mit technischen und Naturwissenschaften befasst. 1949 zählte die Akademie 56 Institute, 15 Laboratorien, 4 Observatorien, 7 Museen, 5 Versuchsstationen und über 50 Komitees und Kommissionen. Von der Akademie werden 38 wissenschaftliche Zeitschriften für die verschiedensten Forschungsgebiete herausgegeben. 1950 gab es in der Akademie 6053 wissenschaftliche Mitarbeiter, darunter 918 Personen mit Doktorwürde und 2455 Kandidaten verschiedener Wissenschaftszweige. Am 24. Oktober 1954 wurden wiederum 51 wirkliche und 148 korrespondierende Mitglieder gewählt; die gewählten Mitglieder sind Vertreter von 63 Fachgebieten.

Gleichzeitig mit dem grossartigen äusseren Wachstumsprozess der Akademie, gewann diese typisch sowjetische Charakterzüge. Die parteipolitische Organisation der Akademie gewann an Macht und Ansehen und wurde zum Träger marxistisch-leninistischen Gedankengutes und zum Vollzugsorgan aller Verordnungen der Regierungsgewalt. Die Zahl der Mit-

glieder der Kommunistischen Partei unter den Akademiemitgliedern belief sich im Jahre auf nur zwei, 6-7 Jahre später waren es etwa 300, darunter 18 Akademiemitglieder und etwa 50 wissenschaftliche Mitarbeiter. Der Einfluss der Parteiorganisationen innerhalb der Akademie äusserte sich hauptsächlich in der "Kehrtwendung" der wissenschaftlichen Grundkader zur marxistischen Ideologie". Diese "Kehrtwendung" war das Ergebnis sowohl der "Säuberung" des Personalbestandes der Akademie als auch der methodologischen Arbeit, d.h. des Zwangsstudiums des Marxismus-Leninismus in Fachseminaren sowie der obligatorischen Mitarbeit in den unteren Facharbeiterzellen, die in Lokalkomitees vereint waren. Ein loyales Verhalten dem System gegenüber wurde auch auf andere Weise erreicht: durch Verhaftungen, Deportationen und Hinrichtungen der Gelehrten, die sich einer Sowjetisierung der Akademie widersetzten. So z.B. büssten die Akademiemitglieder S. Platonow, N. Wawilow, Prof. N. Serow und viele andere in den Kellern der GPU ihr Leben ein. Die Niedermetzelung der Gelehrten begann den klügsten unter den Parteiführern die Augen zu öffnen: sie merkten, dass die "Sowjetisierung" der Akademie in eine Sackgasse führe. Als Folge dieser Ernüchterung fand eine "Kehrtwendung" in Richtung zu dem alten Fachleute-System gegen Ende der dreissiger Jahre statt. Man liess die Gelehrten aus der Verbannung zurückkehren, setzte sie in ihre alten Rechte wieder ein und besetzte mit ihnen die wichtigsten Akademie-Posten (darunter befanden sich die Akademiemitglieder Y.V.Gautier, W. Pitscheta u.s.). Die Rückkehr dieser Personen konnte jedoch den Verlust des einstigen Prestiges der Akademie nicht mehr wettmachen.

Die kommunistische Diktatur verlangt von den Mitgliedern der Akademie, dass diese den falschen und reaktionären Grundsatz bedingungslos befolgten, Wissenschaft und Philosophie hätten parteigebunden zu sein. Wissenschaftliche Arbeiten müssten vom obligaten marxistische-leninistischen Geiste durchdrungen sein, oder, zumindest, diesem Geiste nicht widerspreche. Das bedeutet aber die Zäumung der gesamten Forschungsarbeit der UdSSR, die Drosselung allen freien wissenschaftlichen Gedankengutes. Einzelne Wissenschaften sind von den Kommunisten dazu verdammt worden, die im Marxismus-Leninismus enthaltenen Wahrheiten lediglich zu illustrieren. Eine solche "Wiederherstellung" der Wissenschaft im Geiste des Totalitarismus

brachte die Akademie der Wissenschaften der UdSSR in die gleiche unerträgliche Lage wie die, in der sich die von der Staatsgewalt kontrollierte Sowjetkunst befindet.

Im Vergleich zur Russischen Akademie der Wissenschaften vor Ausbruch der Revolution ist die Akademie der UdSSR ums zwanzigfache gewachsen (S. Wawilow), jedoch nur zahlenmässig, sozusagen horizontal, nicht vertikal. Die "Sowjetisierung" der Akademie und der Einzug der kommunistischen Politik, die die Akademie zur Magd der jeweils laufenden Sowjetpolitik degradieren, haben den "senkrechten" Wachstumsprozess der Akademie unterbunden. Gegenwärtig krankt die Akademie an hypertropher Politisierung, die ihr durch Parteikomitees, marxistisch-leninistische Seminare, zahllose politische Versammlungen und die wachsamten Organe der Geheimen Staatspolizei aufgezwungen wurde. Ein Ausweg aus dem schweren Ideen-Krisenzustand, in dem sich die Akademie der Wissenschaften der UdSSR gegenwärtig befindet, ist nur nach einer völligen Neuorganisation der "sowjetisierten" Akademie auf Grundlage der Forschungsfreiheit und der Unabhängigkeit des wissenschaftlichen Gedankens sowie nach Vertreibung der Politik aus der Akademie und der Wissenschaft selbst möglich. Wissenschaft und Philosophie müssen aus der rauhen Zwangsjacke, in der sich die Sowjetwissenschaft bis heute befindet, befreit werden.

Dr. E. S a n k e w i t s c h

DE LA REORGANISATION DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE RUSSIE EN
UNION SOVIETIQUE

L'Académie des Sciences joue dans la vie scientifique et culturelle de l'URSS un rôle beaucoup plus important que les établissements analogues dans les autres pays. L'activité de l'Académie des Sciences donne le ton et trace la direction de l'ensemble de l'activité

culturelle de l'Etat soviétique. Cette situation spéciale de l'Académie des Sciences est basée sur:

1) l'**athéisme** marxiste-léniniste officiel et sur le principe, transformé en une sorte de dogme inébranlable, que la science est, de par sa nature même, inconciliable avec les "superstitions religieuses" et constitue le facteur essentiel de la lutte contre "l'opium du peuple" (expression de Karl Marx);

2) sur le principe dogme communiste, suivant lequel le socialisme soviétique est le seul socialisme scientifique possible, l'édification du socialisme et du communisme n'étant rien d'autre que "de la science en action". Dès l'époque de Lénine, le régime soviétique concentra particulièrement son attention sur l'Académie des Sciences de Russie dans le but de l'utiliser dans les intérêts du régime. C'est pour cette raison que l'histoire et la situation de cet organisme scientifique suprême au cours de ces dernières décades présente un intérêt particulier pour tous ceux qui étudient l'histoire de la culture.

L'ancienne Académie des Sciences de Russie a traversé plusieurs étapes de "soviétisation", se transformant toujours plus en un docile instrument aux mains du gouvernement soviétique et du parti communiste. La centralisation des recherches scientifiques et l'**extension** de l'Académie des Sciences de l'URSS ont été réalisées par le régime communiste sans hâte excessive mais avec opiniâtreté et conséquence, atteignant leur point culminant vers la fin de la dictature stalinienne.

En vertu du décret du 27 juillet 1925, l'Académie des Sciences de Russie reçut la dénomination d'Académie des Sciences de l'URSS. En 1929 il fut procédé à l'élection de 42 nouveaux membres de l'Académie, au nombre desquels 18 des meilleurs ingénieurs constructeurs et savants, membres du parti communiste. La philosophie soviétique officielle du matérialisme dialectique, promue précédemment au rang de "philosophie militante du prolétariat", fit son entrée et s'installa en maître à l'Académie. Le 14 décembre 1933, le gouvernement soviétique promulga un décret plaçant l'Académie des Sciences sous la compétence du Conseil des Commissaires du Peuple (c'est-à-dire du Con

seil des Ministres), et le 22 avril celui du transfert de l'Académie de Léninegrad à Moscou. De cette façon, l'Académie des Sciences de l'URSS, doté des droits d'un Commissariat du Peuple (ou d'un ministère) devint, suivant l'expression des académiciens communistes nouvellement élus, "l'organe le plus compétent et le plus autorisé chargé d'assister le gouvernement dans toutes les questions relatives au développement et à l'application de la science dans le courant de l'édification de la société nouvelle". En novembre 1935 fut ratifié le Statut de l'Académie, fixant définitivement les règles introduites au cours des 17 premières années de régime soviétique. L'idéologie soviétique s'infiltra encore davantage au sein de l'Académie Communiste, en 1936. Des filiales de l'Académie furent organisées dans les régions de l'URSS; en 1949 l'Académie possédait 16 filiales et 34 instituts de recherches scientifiques. Certaines filiales furent transformées en académies indépendantes; c'est ainsi qu'après la guerre furent créées cinq nouvelles académies: celle d'Azerbaïdjan, d'Arménie, de Géorgie, du Kazakhstan et de l'Ouzbékistan. Il existe encore cinq autres académies nationales: celles d'Ukraine (créée le 14 novembre 1918, lors du régime du Hétman), celle de Biélorussie (créée le 13 octobre 1928), de Lithuanie, de Lettonie et d'Estonie.

Avant la révolution, l'Académie des Sciences de Russie était divisée en trois sections: 1) celle des sciences mathématiques et naturelles et 2) et 3) celle des sciences historico-philologiques, celle de la langue et de la littérature russe. Actuellement, l'Académie des Sciences de l'URSS est divisée en huit sections, dont une importante partie est réservée aux sciences techniques et naturelles. En 1949 l'Académie comptait 56 instituts, 15 laboratoires, 4 observatoires, 7 musées, 5 stations et plus de 50 comités et commissions. L'Académie édite 38 revues scientifiques consacrées à diverses branches. En 1950 elle employait 6053 collaborateurs scientifiques, dont 918 étaient docteurs en sciences et 2455 licenciés. Le 24 octobre 1954 il a été encore une fois procédé à l'élection de 51 nouveaux membres actifs et de 148 membres correspondants; les nouveaux élus représentent 63 branches différentes.

Simultanément à son énorme accroissement extérieur, l'Académie des Sciences de l'URSS a acquis un nombre toujours plus grand de particularités purement soviétiques. L'organisation du Parti de l'Académie

a vu croître la puissance et son importance dans le domaine de la diffusion du marxisme-léninisme au sein de l'Académie, ainsi que dans celui de la transmission de toutes les directives de la dictature. En 1928 il y avait 2 membres du parti communiste à l'Académie; six à sept ans plus tard leur nombre était passé à 300, dont 18 académiciens et près de 50 collaborateurs scientifiques. L'activité de l'organisation du Parti de l'Académie se manifesta tout d'abord dans le domaine de l'orientation des cadres essentiels des travailleurs scientifiques vers l'idéologie du marxisme". Cette "orientation" fut le fruit de la "purge" du personnel de l'Académie, de même que celui du travail méthodologique, c'est-à-dire des études obligatoires du marxisme-léninisme au sein de séminaires spéciaux, ainsi que de l'activité publique obligatoire pour le personnel de l'Académie au sein de la cellule professionnelle de base, représentée par le comité local. Le loyalisme du personnel académique envers le régime fut également obtenu à l'aide d'autres méthodes: grâce aux arrestations, aux déportations et aux exécutions des collaborateurs scientifiques qui s'opposaient à la "soviétisation" de l'Académie (c'est ainsi que périrent, dans les prisons de la Guépéou-NKVD les académiciens S.F. Platonov, N.I.Vavilov, le professeur N.Zérov et de nombreux autres). Cependant, l'extermination des savants contribua à ouvrir les yeux des plus intelligents parmi les dirigeants du Parti; ceux-ci comprirent que la "soviétisation" de l'Académie menait à une impasse. De ce fait, on assiste, durant les années "trente" à un "retour" aux vieux spécialistes; les savants revinrent de déportations, furent réinstituéés dans leurs droits et reçurent des postes dirigeants au sein de l'Académie (tels furent les cas des académiciens Y.V.Gautier, V.I.Pitchéta et d'autres). Cependant, le retour de ces savants ne fut pas suffisant pour permettre à la dictature de rendre son ancien rôle à l'Académie.

La dictature communiste exige de l'Académie des Sciences l'observation inconditionnelle du principe vicié et réactionnaire de l'esprit de Parti dans la science et la philosophie. Les ouvrages scientifiques doivent, obligatoirement, être basés sur la méthodologie marxiste-léniniste, ou, tout au moins, ne pas contredire celle-ci. Cela signifie que les recherches scientifiques en URSS sont entravées et

ne peuvent se développer librement. Les différentes branches scientifiques sont considérées par les communistes comme les illustrations des "vérités" du marxisme-léninisme. Cette "reconstruction" de la science dans l'esprit du totalitarisme a créé dans l'Académie des Sciences de l'URSS et dans la science elle-même une situation aussi pénible et insupportable que dans le domaine de l'art soviétique, constamment contrôlé par l'Etat.

En comparaison de l'Académie des Sciences de Russie, l'Académie des Sciences de l'URSS s'est accru de plus de 20 fois (L.I.Vavilov), mais cet accroissement a été purement quantitatif; c'est un développement en surface et non en profondeur. La "soviétisation" de l'Académie et sa subordination à la politique communiste ont transformé la science en servante de la politique du jour. Cette dégradation de la science a eu pour effet de paralyser, au sein de l'Académie, les forces qui auraient pu assurer son développement en profondeur.

A l'heure actuelle, l'Académie des Sciences de l'URSS est gravement malade du fait de la politique qui lui a été imposée de force par les comités du **Parti**, les séminaires marxistes-léninistes, les innombrables meetings politiques, les décrets gouvernementaux et la police secrète. La crise que traverse aujourd'hui l'Académie ne peut être surmontée qu'au moyen d'une nouvelle et totale réorganisation de celle-ci sur la base de la liberté totale de la pensée et des recherches scientifiques, et de l'expulsions de la politique hors de l'Académie et de la science. La science et la philosophie doivent être débarrassées de la "camisole de force" dont elles ont été affublées en URSS.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр
1. Императорская Академия наук в Петербурге	3
2. Этапы советизации Российской Академии наук	19
3. Учреждения Академии наук СССР и ее работники	23
4. Планирование научной работы	28
5. Новый дух в жизни Академии	38
6. О характере достижений Академии наук в советский период..	55
7. Старая Академия наук и итоги советизации	67
Резюме на английском языке	75
Резюме на немецком языке	78
Резюме на французском языке	82

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР
Исследования и материалы
Серия II (ротаторные издания)

1953 г.

1. В. Марченко. Планирование научной работы в СССР (46 стр.)
2. Н. Семенов. Система советской юстиции в схемах (28 стр. и 11 схем)
- 2а. То же на английском языке: N. Semenov. The Soviet Judicial System as Represented in Diagrams
3. Инж. К. Крылов. Готовность тракторного парка к посевной кампании 1953 г. в СССР (12 стр. и 1 карта)
4. Проф. А. Зайцов. Динамика населения СССР на 1952 г.
5. Инж. К. Крылов. Ход весенних работ в СССР в 1953 г. (22 стр. и 1 карта)
6. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР (за 1919 - 1952 гг.) (165 стр.)
7. К современному состоянию сельского хозяйства в СССР (Сборник статей. 50 стр.)
8. Внутренняя и внешняя политика СССР (Из материалов совещания в Институте, 49 стр.)

1954 г.

9. Инж. К. Крылов. Ход летних и осенних работ в СССР в 1953 г. (39 стр. и 2 карты)
10. М. Колосов. Коммунистическая партия и советская армия (52 стр.)
11. Б. Туш. Преследование Церкви в Польше (53 стр.)
12. Указатель советской периодической печати (151 стр.)
13. А.М. Кармаков. Реакция советского населения на пропаганду (61 стр.)
14. Доц. А. Поплюйко. Производство товаров широкого потребления в СССР (1951 - 1955 гг.) (62 стр.)
15. Н. Семенов. Государственное устройство и органы управления СССР и РСФСР в схемах (35 схем и 132 стр.)

16. Проф. д-р П.Л. Кованьковский. Финансы СССР после второй мировой войны (в сравнительном освещении) (80 стр.)
17. Ю. Марин. Проблема увеличения производства зерна и освоение целинных и залежных земель (опыт политического анализа) (36 стр.)
18. Р. Реннинг. Экономические взаимоотношения Эстонии и СССР до 1940 г. (58 стр.)
19. П. Уранов. Роль Государственного банка в работе местной промышленности (72 стр.)
20. Проф. д-р А.Архимович. Зерновые культуры СССР (106 стр.)
21. Проф. д-р А.Архимович. Культура хлопчатника в СССР (110 стр.)
- 1955 г.
22. В. Мерцалов, К.Крылов, Л. Дудин. К исследованию проблем психологической войны. Сборник статей (132 стр.)
23. А. Гаев. Цензура советской печати (51 стр.)
24. Г. Сова. До історії большевицької дійсності (107 стор.)
25. Д-р В. Седуро. Достоевсковедение в СССР (92 стр.)
26. М. Ковалевський. Опозиційні рухи в Україні і національна політика СССР (1920 - 1954) (83 стор.)
27. Г. Калиновский. Состояние молочной промышленности СССР в предвоенный и послевоенный периоды (112 стр.)
28. С. Дяченко. По вопросам организации колхозов в СССР (56 стр.)
29. І. Майстренко. Кризові процеси в советській економіці (123 стор.)
30. Проф. И. Куликович. Советская опера на службе партии и правительства (149 стр.)
31. Проф. Б. Ширяев, Н. Кошеватый. К проблемам интеллигенции СССР (80 стр.)
32. В. Скородумов. Структура руководства советской школой (87 стр. и 31 схема)

33. Ю. Мишалов. О подготовке и условиях работы преподавателей советской школы (190 стр.)
34. М. Волаціч. Беларускае народнае ткацтва (199 стр. и XIV рис.)
35. С. Нагай. Водопостачання і каналізація в СССР (110 стор.)
36. Проф. д-р В. Городецкий. Сырьевая база сахарной промышленности в СССР (55 стр.)
- 1956 г.
37. К. Прошин. Из практики изобретательства в Советском Союзе (90 стр.)
38. Евг. Сербин. Политические настроения Советской армии в послесталинский период (87 стр.)
39. Панас Феденко. Україна після смерті Сталіна (95 стор.)
40. Проф. д-р А. Билимович. Советская кооперация после второй мировой войны (128 стр.)
41. Г. Ахминов. Объективное сопротивление в СССР (104 стр.)
42. С. Невский. Профессионализм в советском спорте (56 стр.)
43. И. и Н. Лазаревич. Народное образование в СССР (начальная и средняя школа) (166 стр.)
44. Миндия Лашаури. История Грузии XIX - XX вв. в современной советской интерпретации (53 стр.)
45. Прот. Д.В. Константинов. Православная молодежь в борьбе за Церковь в СССР (78 стр.)
46. В. Гришко. Панславизм у советській історіографії і політиці (125 стор.)
47. В. Чапленко. Большевицька мовна політика (74 стор.)
48. Проф. д-р В.Ф. Тотомианц. Из истории русской экономической мысли (52 стр.)
49. К. Крылов, А. Казанцев, Л. Ржевский. К исследованию проблем психологической войны (2-й сборник статей) - (172 стр.)

50. И. Костецкий. Советская театральная политика и система Станиславского (110 стр.)
51. Проф. д-р Ян Станкевич. Савецкае хвальшаваньне гісторыі Беларусі (184 стр.)
52. С. Голубничий. К вопросу о возникновении зерновых кризисов в СССР (122 стр.)
53. Галина Корчиньска. Три або чотири закони діалектики (45 стор.)
- 1957 г.
54. Проф. д-р И. Никодимов. О политехническом образовании в СССР (112 стр.)
55. Л. Микиртичян. Эпоха армянского возрождения и ее интерпретация в Советской Армении (на армянском языке) (52 стр.)
56. Л.О. Бек. Полезащитное лесоразведение в СССР (118 стр. и 1 карта)
57. Ю.И. Мишалов. Коммунистическая утопия и советская действительность (92 стр.)
58. Проф. Б. Крупницький. Українська історична наука під совєтами (120 стор.)
-